

**ИНТЕРВЬЮ С НОВИКОВЫМ Б. М.
INTERVIEW WITH: BORIS M. NOVIKOV**

Проект: Китаеведение – устная история
Выполнено при поддержке международного гранта РФНФ –
Национальный Научный Совет Тайваня (ННС) 2012,
проект № 12-21-10000, 8122100100007

Supported by the Russian Humanitarian Scientific Foundation – National
Scientific Council of Taiwan (NSC) , the international research grant "China
Studies – the Epistemology of the oral history,
project № 12-21-10000, 8122100100007

Новиков Борис Михайлович (БН) Китаевед, кандидат исторических наук, доцент Восточного факультета, Санкт-Петербургский государственный университет	Boris M. Novikov Sinologist, PhD (History), assistant professor, Oriental faculty, Saint-Petersburg State University
Дата интервью: 27 июля 2014 г. Место интервью: г. С.-Петербург Вел интервью: Головачёв В.Ц. (ВГ), снс ИВ РАН	Date of the Interview: July 27, 2014 Place: Saint-Petersburg Interviewed by: Valentin Golovachev, PHD, history, IOS RAS
Продолжительность: 4 часа Объём текста с комментариями: 4,8 а.л., 106 с, 190 119 зн. с пробелами	Duration: 4 hours Text volume (+comments): 106 p.

Новиков Борис Михайлович (1929 г.р., г. Бийск). Китаевед, к.и.н. (1976), доцент (1978). После окончания в 1952 с отличием Восточного факультета Ленинградского государственного университета и прохождения аспирантуры Б.М. Новиков с 1957 по настоящее время работает на кафедре истории стран Дальнего Востока восточного факультета Санкт-Петербургского государственного университета. В 1978-1982 Б.М. Новиков являлся деканом общеуниверситетского деканата по работе с иностранными учащимися, в 1982-1984 – проректором по международным связям Ленинградского государственного университета. В 1999 Б.М. Новикову присвоено почётное звание «Заслуженный работник высшей школы Российской Федерации». Б.М. Новиков в течение 25 лет избирается и работает членом Правления, заместителем председателя Санкт-Петербургского городского Общества российско-китайской дружбы. За годы педагогической деятельности он подготовил и читает общие лекционные курсы по

новой и новейшей истории Китая и других стран Азии, по географии Китая, современной экономике КНР и другие.

Научные интересы: новая история Китая: народные организации, традиции, государственная и политическая структура, ментальность, исторические персонажи, секретные общества; новейшая история Китая: экономическое развитие, тайваньская модель, исторические персонажи

Избранные труды: Восстание 1787-88 на Тайване // Маньчжурское владычество в Китае. М.,1966; Китай в XIV - XVIII веках // История стран зарубежной Азии в средние века. М.,1970 La propagande antimandchoue de la Triade en Chine pendant la premiere moitie du 19-e siecle // Mouvements populaires et societees secretes en Chine aux 19-e et 20-e siecles, Paris, 1970, pp. 133-150; The Anti-Manchu Propaganda of the Triads, ca. 1800-1860// Popular Movements and Secret Societies in China, Stanford (Cal),1972,pp. 49-63; Об организационном характере конспиративного объединения «Тяньдихуэй» // Фудань сюэбао, Шанхай,1986 [на китайском языке]; Публикация материалов об антицинском тайном обществе «Тяньдихуэй» // Новое в изучении Китая: история и историография. М.,1988

Полный текст интервью:

ВГ: Здравствуйте, Борис Михайлович, добро пожаловать в наш проект! По традиции, беседы с героями наших интервью начинаются с небольшой самоидентификации. Будьте добры, представьте себя сами формально!

БН: Пожалуйста! Новиков Борис Михайлович. Родился 3 сентября 1929 года, в этом году мне исполняется 85 лет. Я китаист, окончил Санкт-Петербургский университет, Восточный факультет, и с тех пор всю жизнь работаю на восточном факультете нашего Университета. В настоящее время – доцент, кандидат исторических наук.

ВГ: Скажите, пожалуйста, Вы коренной петербуржец или приехали сюда из других краёв?

БН: Я приехал в этот город в 1947 году.

ВГ: В таком случае, в каких краях Вы родились?

БН: Я родился в несколько экзотическом районе. Это Алтай, можно сказать, самый центр Евразии. Мой родной город – Бийск, расположенный близ слияния рек Бия и Катунь и образования великой реки Западной Сибири – Обь. Бийск был основан еще при Петре I, в 1709 году, т.е. в год Полтавской победы. Город стоял на важном торговом пути – в начале Чуйского тракта, соединявшего Западную Сибирь, в первую очередь Алтай, с Монголией, а затем – с Сибирью и Китаем. Слово «тракт» здесь означает «дорога», а Чуйская – потому, что основная её трасса шла вдоль течения горной алтайской реки Чуя. Благодаря Чуйскому тракту, да и вообще относительной географической близости, у нас все кое-что знали и о Монголии, и о Китае, а мы с детства в этой среде росли.

ВГ: То есть, ветер Монголии и Китая как-то достигал этих мест?

БН: Да, достигал. Правда, в старое время Чуйский тракт был, конечно, ужасен с технической точки зрения. Его обновляли в 1930-е годы, и тогда там, конечно, работали заключенные Гулага. Я был ещё ребенком, но помню, что эту дорогу

обновляли, и потом она стала лучше, автодвижение было уже неплохое. В годы войны именно по этому тракту перегонялись на автомашинах грузы, которые шли через Монголию в Китай. Кстати, в первый раз эти караваны пошли в Монголию ещё во время конфликта на р. Халхин-Гол, а это 1939-й год. А потом, во время Отечественной войны, туда тоже шли караваны, перегоняли машины с грузами для военных целей.

ВГ: Ваши родители имели какое-то отношение к Монголии и Китаю, и кем они были?

БН: Нет, абсолютно, нет.

ВГ: Расскажите, пожалуйста!

БН: Я из семьи потомственных учителей. По-моему, даже и прадед был учителем. Но я не очень хорошо знаю, его не застал. Дед мой тоже был учителем. Потом, во время 1-й мировой войны, он воевал на кавказском фронте, участвовал в гражданской войне и даже был одно время военкомом (военным комиссаром) города. Бабушка была домохозяйкой, а все дети – двое сыновей (мои дядья) и две дочери (моя мать и тётя), – они все учителя, но по разным предметам. Кто физику и математику преподавал, кто – русский язык и литературу. Вот, в такой семье я вырос.

ВГ: А Ваш отец тоже был учителем?

БН: Отец тоже был учителем. Причем он, как и моя мать, начинал свою педагогическую работу в сельской школе недалеко от Бийска.

ВГ: Как звали Ваших родителей?

БН: Родителей моих звали так: Михаил Иванович Новиков – это мой отец, Алевтина Николаевна Быковская (в девичестве) – это моя мать.

ВГ: Если Вы родились в 1929 году, то Ваш подростковый возраст и юность пришлось как раз на годы войны, да?

БН: Конечно!

ВГ: Как военное время проходило для Вас? Как Вы жили в те годы?

БН: Это очень тяжёлое время было. Хотя и до войны у нас в Сибири было несладко. Вообще, как я вспоминаю своё раннее детство – всё время были какие-то лишения. Помню, как бабушка брала меня на руки и носила куда-то в Торгсин («Торговля с иностранцами» – ВГ) – такое было учреждение, которое за бесценок покупало еще сохранившиеся драгоценности и вещи у наших людей и за это выдавало какую-нибудь муку, крупу, и так далее. Так вот, в Торгсине бабушка снимала с рук колечки, что-то отдавала, получала какие-то мешочки муки и всё прочее. Мне тогда годика четыре было. Что происходило потом? В 1937 году наша семья пострадала в процессе политического террора в стране: мой дедушка по матери был арестован и осужден на «десять лет заключения без права переписки» (смертная казнь – ВГ), с конфискацией имущества (в 1958 году он был посмертно реабилитирован как незаконно репрессированный). Вскоре после ареста деда моя мать и дядья перевезли нас с бабушкой в город Ойрот-Тура (теперь это Горно-Алтайск, главный город нынешней республики Алтай РФ, примерно в 100 км от Бийска), где все мои старшие родственники преподавали в школах. Именно на период жизни в Ойрот-Туре и приходятся годы войны. Конечно, это был глубокий тыл, а не фронт или блокадный Ленинград. Здесь не падали бомбы и не рвались

снаряды, на наших глазах не умирали от ран близкие и друзья, хотя жуткие «похоронки» приходили в очень многие дома. Не избежала этой участи и наша семья: на фронте погиб мой дядя. Да и нас, подростков, война доставала своими страшными шупальцами повсюду, прежде всего, лишениями – тяжёлым трудом, недоеданием и голодом, отсутствием одежды, тепла и т.д. Так, уже школьниками 6-7 классов, нас в осеннее и зимнее время посылали в окрестные леса валить деревья, заготавливать дрова для школы. А все лето мы проводили в работе на семейных земельных участках, выращивая овощи и картофель, чтобы прокормиться зимой. За годы войны каждый подросток научился многому из «науки выживать»: обрабатывать землю, косить траву, пилить деревья, пасти скот и многому другому. Тогда приобретение этих умений было вынужденным – иначе не проживешь. В дальнейшем же по жизни это нередко помогало не пасовать перед трудностями, стараться их преодолевать. В Горно-Алтайске я окончил среднюю школу, после чего уехал продолжать учёбу в Ленинград.

ВГ: В каком году Вы окончили школу?

БН: Я окончил школу в 1947 году, и сразу приехал сюда, в Ленинград.

ВГ: Скажите, пожалуйста, когда Вы впервые услышали слово «Китай», узнали о существовании Китая?

БН: Я думаю, что очень рано. Во-первых, у нас в городе были китайцы. Небольшое количество, но были. Это были в основном старьёвщики, а также какой-то мелкой торговлей они занимались. Поэтому я с очень раннего детского возраста запомнил такую фразу: «Ходя, соли надо?». Долгое время я просто повторял её автоматически. Потом, наконец, спросил у деда, а что же это значит? Он мне очень чётко объяснил: «Китай – это такая большая страна, где живут люди, похожие на казахов и алтайцев (у нас на Алтае, наряду с русскими, проживало немало представителей этих тюркских народов – БН). И эти люди едят палочками». Это было первое, что он мне сказал. «А почему – ходя, соли надо?» – спросил я. «Видишь ли, – сказал дед, – в Китае соль очень дорога, и поэтому соль ценится как хороший подарок. Ну, как у нас тут красная или чёрная икра». Вот так дед сравнил, а потом добавил: «И ещё, соль была нужна китайцу, когда он умирал...». Вот это он мне всё изложил, и я всё это запомнил. Мне было лет около шести тогда. Ну, а потом, около 1937 года, все эти китайцы из нашего города, естественно, исчезли, как потом выяснилось – были депортированы или попали в Гулаг как «шпионы».

ВГ: Но тогда, в детстве, Вы всё же видели настоящих китайцев, да?

БН: Видел, конечно.

ВГ: Помимо взрослых китайцев, Вы видели там детей?

БН: Детей что-то не помню. То ли они их не выводили, то ли они жили в другом конце города, и меня, как ребёнка, туда не пускали. Поэтому детей я не видел. Но взрослых китайцев я видел. На мой даже детский взгляд, они всё-таки отличались от алтайцев и казахов, которые среди нас там жили. Немножко другие они были.

ВГ: Ну, а соль-то зачем нужна была китайцу-«ходе»?

БН: Как, зачем? Её клали в гроб, чтобы дольше труп хранился. Чтобы отправить останки покойника на родину.

ВГ: Выходит, в этом вопросе была и скрытая подначка, чтобы китайцы поскорее возвращались на свою родину «в любом виде» ... Скажите, пожалуйста, как Вы закончили школу и делали выбор своей дальнейшей судьбы?

БН: Я закончил школу с золотой медалью. Вот она, эта золотая медаль. Может быть, теперь уже стали забывать, как она тогда выглядела.

ВГ: Я-то точно не забыл, потому что моя мама и тётя тоже окончили школу с золотой медалью, и у меня дома хранится такая же медаль.

БН: Головачёва Лидия Ивановна¹, да?

ВГ: Да-да.

БН: Я тебе потом расскажу: с Лидией Ивановной я же тоже был знаком в её студенческие годы в нашем университете.

ВГ: Хорошо, это очень приятно! И что, золотая медаль вдохновила Вас на покорение столиц?

БН: Нет, всё было не так.

ВГ: Как же было на самом деле?

БН: Всё было вот как. Отца к тому времени у меня уже не было. Родители разошлись, и я жил с матерью и отчимом. Это было тоже нелегкое время, сразу после войны. И, конечно, родители не были склонны отпускать меня далеко из Сибири, хотя отчим и воевал тут, под Ленинградом. Одно время учителей всё же брали в армию. А он тоже был учитель, кстати. Потом, в самом конце 1944-го и начале 1945-го, многих учителей, кто выжил, освободили от военной службы и вернули к основной работе. Мой отчим раненный был.

ВГ: Он воевал внутри блокады, или снаружи?

БН: Он снаружи воевал. Но был и в самом городе, снимал блокаду. Мой отчим умер уже 14 лет тому назад...

Так вот, о Ленинграде я школьником знал кое-что не только из рассказов отчима. В годы войны в нашем городке жило немало семей эвакуированных ленинградцев. С некоторыми из них мы не только были знакомы, но и по-настоящему дружили. Так, я тепло вспоминаю семью моего сверстника Олега Заостровского (впоследствии стал журналистом), семью видного ленинградского ученого-этнографа Леонида Павловича Потапова (впоследствии – Лауреат Государственной премии, директор Ленинградского отделения Института этнографии АН СССР и Кунсткамеры. Леонид Павлович занимался исследованием этнографии и истории алтайцев и соседних тюркских народов, и несколько бесед с ним способствовали пробуждению моего интереса к тюркологии). Из учительской среды наша семья дружила с ленинградкой Александрой Михайловной Лутиной и другими. Все эти представители ленинградской интеллигенции, несомненно, оставили весьма благотворный след в моем развитии. И вот настало время выбирать будущую специальность, место вузовской учёбы. Ленинград был далеко. Родители считали, конечно, что лучше мне учиться поближе, и начали уговаривать меня поехать в Томск, где в старейшем Томском университете раньше учились мои тётя и дядя.

¹ Головачёва Лидия Ивановна (1937-2011, м.р. Тамбов). Китаевед-историк, философ, переводчик. К.и.н. (1981). Выпускница Восточного факультета ЛГУ (1975). Специалист по новейшей истории, древней философии (Конфуций, Лаоцзы) и письменности Китая. Мать китаеведа Головачёва В.Ц. Интервью для проекта «Китаеведение – устная история» см. на сайте ИВ РАБН: <http://www.ivran.ru/project-modernization-models/57>

Родители говорили: «Ну что тебе? Это хороший университет! Раз ты не хочешь на естественный факультет, там есть хороший историко-филологический факультет. Езжай сюда! Давай, чтобы было поближе!» Естественное такое, понятное желание родителей. Но я всё-таки пожелал ехать в Ленинград. Почему? Я не думаю, что с самого начала это было уже осознанное желание – поступать на восточный факультет. Из предыдущего выпуска нашей школы несколько ребят и девочек уже отправились в Ленинград и поступили в Политехнический институт. Это были хорошие, сильные ребята! И вот, приехали они следующим летом на каникулы и говорят: «Да что такое Томск?! Надо ехать в Ленинград! Там в университете есть восточный факультет, где ты можешь изучать «свою» Османскую империю!» А золотая медаль тогда позволяла поступать в любой советский ВУЗ без экзамена. Я мог и в МГИМО в Москве поступить. Но Москва меня абсолютно не тянула, с самого начала! Извините, но это так. Я поехал в Ленинград. ... Там я не сразу пошёл на китаеведение, потому что мне всё-таки была ближе тюркская тематика. Я даже мог сказать несколько фраз на алтайском, на казахском. Я очень любил историю. Средние века, Османская империя... я немало читал об этом. И мне почему-то подумалось, что раз так, то я поеду в Ленинград, буду изучать турецкий язык. Прямо как позднее юный Владимир Жириновский!

ВГ: Таким образом Вы оказались на востфаке ЛГУ?

БН: Я написал туда заявление, но без указания отделения, просто – на восточный факультет. О турецком я думал про себя.

ВГ: Дальше уже сработала случайность?

БН: И случайность, и не случайность. Всё как-то шло само собой. В Ленинград я приехал 24 августа 1947 года, экзамены-то не надо было сдавать. Остановился я у добрых знакомых, которые жили у нас в эвакуации. Я их уже упоминал. Хорошие люди, ленинградцы. Хозяйка – Александра Михайловна Лутина (ныне уже покойная) работала директором школы на Петроградской стороне. Её дочь Неда (к сожалению, также уже покойная) была на год или на два меня младше, кончала девятый или десятый класс. Вот у них я и остановился на 2-3 ночи максимум, пока в общежитии не поселят. Лутины меня приняли, прямо как родного, потому что когда они в эвакуации у нас жили, мы были в очень хороших отношениях. После приезда я пошёл в университет оформлять своё поступление в студенты. На восточном факультете, который размещался там же, где и сейчас, в здании дворца Петра II на Университетской набережной, дом 11, меня встретила секретарь деканата Аня Лобанова, которая была поистине «душой факультета». Она меня расспросила обо всём, нашла мои документы и говорит: «Тебе надо зайти к декану, поговорить». Деканом востфака в то время был профессор Виктор Морицевич Штейн². Как я узнал позднее, он был известным востоковедом, одно время направлялся из СССР в Китай, советником по финансам к Сунь Ят-сену³, работал

² Штейн Виктор Морицевич (1890-1964). Китаевед, экономист, юрист, историк. Д.э.н. (1936), профессор (1945). Финансовый советник Национального правительства в Китае (1926-1927). Преподаватель ЛВИ, ЛГУ и др. (1917-1947). Научный сотрудник ИВ АН СССР (1935-1964)

³ Сунь Ят-сен 孫逸仙 (1866-1925), Сунь Вэнь 孫文 (литературный псевдоним), Сунь Чжун-шань 孫中山 (имя в эмиграции). Революционер-демократ, один из великих

также в Монголии. Экономист, историк, весьма заслуженный человек. Так вот, прихожу я в его маленькую комнатку... Большую комнату занимали работники деканата, там «царствовали» секретари, туда приходили студенты и пр. А в маленькой скромно сидел декан. Захожу я в эту комнатку, представился. «Ну, садитесь!» – говорит Виктор Морицевич. Спросил, на каком отделении я хотел бы обучаться. Я ответил, что на тюркском. «Вы знаете какой-нибудь из тюркских языков?» – уточнил декан. Я честно ответил, что знаю лишь кое-какие фразы на бытовые темы по-алтайски и по-казахски. «Это маловато! – усомнился он и продолжил, – Вы знаете, молодой человек, я бы Вам не рекомендовал идти на тюркское отделение». Я спрашиваю: «А почему?» Он: «Видите ли, у нас в этом году приехала большая группа студентов, направленных из Азербайджана и районов Дагестана, многие из которых уже владеют тем или иным тюркским языком. Для них это близко, а Вам будет и трудно, и скучно. Поэтому я Вам не рекомендую идти на тюркские языки». Тогда я спрашиваю: «А что же мне делать?». Он говорит:

– Тут есть два варианта. Во-первых, сейчас у нас открывается новое отделение, очень перспективное...

– Какое?

– Корея, республика, с ней будут блестящие отношения...

ВГ: Про Китай молчит?

БН: Молчит пока. Ну, я как-то так...

ВГ: Корея Вас не вдохновила?

БН: Нет!

ВГ: Куда же дальше судьба Вас повела?

БН: Тогда декан говорит:

– В конечном счёте, ведь есть ещё и Китай. Мы набираем большую группу, 25 человек, там ещё есть места

Я говорю:

– А там, в Китае, ведь сейчас плохо очень!

Это был 1947 год, осень, понимаешь? Там шла гражданская война, враждебный СССР Гоминьдан, казалось, одерживал верх, и победа ещё совершенно не брезжила для коммунистов. Я говорю:

– Там же очень тяжело!

И вот декан отвечает мне так:

– Вы знаете, молодой человек, Китай есть Китай, он при всех случаях останется Китаем, который нужно изучать, который нужно знать... Вы там ещё побеседуйте с нашими китаистами, а завтра приходите ко мне и скажите, что Вы решили.

Я выхожу, лицо у меня, видимо, было такое вытянутое... Аня меня спрашивает: «Что там?» Я ей всё рассказал. «О! – говорит она, – сейчас только

лидеров Китая в XX в. Основатель партии Гоминьдан (1912), вождь Синьхайской республиканской революции 1911, первый президент Китайской Республики. Автор учения о трёх «народных принципах» (национализм, народовластие, народное благоденствие). Выступал за союз Гоминьдана с КПК и СССР. В 1940 посмертно удостоен титула «отца нации»

здесь был Яхонтов Сергей⁴, который уже на 3-й курс перешёл. Беги, лови его, поговори с ним!» Я, действительно, догнал Яхонтова. Он ещё стоял в коридоре со знакомыми студентами. Очкарик такой, явный «ботаник» по виду. Я говорю:

– Яхонтов?

– Яхонтов!

– А как зовут?

– Сергей. Ну, я представился тоже. Он:

– А что тебе надо?

– Да я, вот, хотел поговорить, как тут с Китаем? Как занимаетесь, как, что?..

Ну, и он начал мне рассказывать. Потом мы вышли, гуляли по Университетской набережной, и он всё рассказывал мне. В общем, Яхонтов моим «крёстным отцом» оказался насчёт Китая (как, кстати, позднее и я сам для покойного Евгения Ивановича Кычанова⁵). Но это ещё не всё.

ВГ: Что же он Вам сказал тогда? Как он Вас убедил?

БН: Ну, он много чего говорил.

ВГ: Выходит, это был долгий разговор.

БН: Я думаю, что это было часа полтора, мы гуляли по набережной, от Академии художеств до университета. Яхонтов, как и я, не спешил. Уговаривал меня. Говорил, что изучать Китай, прежде всего, интересно:

– Ты когда-нибудь видел иероглифы?

– Ну, где-то я что-то видел.

– Вот! Это ведь не буквы, это целый образ!

И он начал рассказывать об иероглифах, что это такая содержательная знаковая система. Ну, Серёжа умеет рассказывать, в том числе и про иероглифы. Причём он связал это как-то с природой, с какими-то камнями. Он человек такой, очень увлекающийся. Сейчас, правда, плохо себя чувствует уже – возраст, здоровье... Ну, вот, говорил он, говорил, да так и заложил что-то во мне. А под конец сказал: «Что бы там ни было в Китае, но китайцев – 450 миллионов, и они останутся у нас на границах. Огромный народ! Так что, уж тут и разговаривать нечего!» После этого я с ним простился, поблагодарил его, и мы расстались. Пришёл я к Лутиным, где остановился, рассказываю им обо всем. А Недочка говорит: «Ты колеблешься ещё, что ли? Тогда давай, кинем жребий!» Свернула бумажки, на которых написала «Корея» и «Китай». Да, там ещё пустышка одна была. Свернула их, кинула в мою же кепку. Поваляла, поваляла: «Тяни!» Я и вытянул – «Китай»!

ВГ: И так решилась Ваша судьба?

⁴ Яхонтов Сергей Евгеньевич (1926 г.р.) китаевед, к.филол.н. (1954), доцент (1956). Окончил востфак ЛГУ (1950). Специалист по лингвистике и истории языкознания в Китае

⁵ Кычанов Евгений Иванович (1932-2013). Китаевед, тангутовед. Окончил востфак ЛГУ (1955). Сотрудник ИВР РАН в Санкт-Петербурге, д.и.н. (1970), профессор (1986). Директор СПбФ ИВ РАН (1996-2003). Специализация: тангутоведение, средневековая история Китая и Центральной Азии, кочевые цивилизации, национальные меньшинства КНР. См.: <http://www.ivran.ru/project-modernization-models/57>, <http://politics.ntu.edu.tw/RAEC/comm2/ra27.pdf>

БН: В общем, да.

ВГ: То есть, это девочка решила Вашу судьбу?

БН: Ну, нет. Я, наверно, склонился бы к этому и сам.

ВГ: Но этот жребий стал поводом формальным, чтобы уже перейти Рубикон.

БН: Да, уже никаких вопросов. Вот, такая у меня вышла история.

ВГ: Вы только что произнесли слово «ботаник». Надо бы сразу подсказать будущим переводчикам на китайский язык, что слово «ботаник» использовано не в прямом, а в переносном смысле.

БН: Да, конечно! В данном случае, термин «ботаник» я использую для характеристики человека, который с детства по-взрослому серьёзно относится к своим обязанностям и окружающим взрослым. Во взрослом состоянии такие дети часто становятся педантами и перфекционистами, хотя, конечно, не все. Но определенный налёт «сверхсерьёзности» сохраняется у всех «ботаников».

ВГ: А Вы сами не были «ботаником», преданным только учёбе?

БН: Нет, наверно. Да там, в далёкой провинции, таких «ботаников», которые были здесь, в Ленинграде, вообще не было.

ВГ: Жизнь была трудная, наверно.

БН: Жизнь была потруднее, и возможностей для «ботанических» исследований меньше. Ну, что я там, прочитал в библиотеке всякие детские книги, и всё.

ВГ: Значит, не было оранжерейных «ботанических» условий.

БН: Не было. Поэтому там «ботаников» и не было. Но у нас в классе было четыре медали: одна у меня – золотая, и три серебряных. Почти все медалисты поехали в Ленинград. Одна девочка с серебряной медалью поступила в медицинский. Другой медалист пошёл в педагогический. Только один мальчик поехал в Новосибирск и стал инженером железнодорожного транспорта. Так что, класс был очень сильный.

ВГ: А что было дальше, после того, как Вы вытянули жребий? Как дальше события развивались?

БН: А очень быстро развивались. Пришёл, поселили меня в общежитие, которое находилось в самом здании филологического факультета, где сейчас преподавательский буфет. Это боковая сторона дворца Петра Второго, выходящая не на набережную, а на Филологический переулок. Там жили все наши восточники, которых было сравнительно немного, и часть студентов филологического факультета, в том числе испанцы – дети, которые приехали сюда в середине 1930-х, в годы гражданской войны в Испании. Они выросли и поступили учиться. В нашем университете училось около десятка таких испанских девочек и мальчиков. А в студенческом общежитии, тем более таком небольшом, все обитатели знакомятся друг с другом...

Условия жизни в общежитии были непростые. В большинстве комнат размещалось по 10 и более человек, как в казарме. Например, у нас в комнате проживало 16 человек с восточного факультета и факультета народов Севера. Из этих 16 человек только я один был этническим русским.

ВГ: Кем же были все остальные?

БН: Все остальные были представителями разных национальностей Советского Союза. Очень много было с Кавказа. Например, дагестанцы. А у них же там, что ни долина, то – народ. Была большая группа азербайджанцев. Были татары, грузины,

армяне. В частности, со мной в одной комнате жил Петросян Юрий Ашотович⁶. Тогда же при университете был факультет народов Севера, который позже перевели в Герценовский институт. Северяне были как-то прикреплены к восточному факультету. Их опекала Вера Ивановна Цинциус⁷, профессор по северным языкам. Она что-то читала и у нас, на восточном, и северян прикрепляли к восточному факультету. Поэтому здесь же, в общежитии, жили ханты, манси, якуты, чукчи, орочоны, гольды – представители разных малых народов Сибири. Я, кстати, жил в одной комнате с Юрием Рытхэу⁸.

ВГ: Знаменитый писатель!

БН: Знаменитый писатель чукотский, и мы даже с ним подрались.

ВГ: На почве быта?

БН: Да, на почве быта. Потому что моя кровать стояла у окна. А он же из чума приехал. Ему жарко было, и он зимой открывал окно. Я, можно сказать, весь покрывался инеем, терпел одну, вторую ночь. А потом с ним разругался, и мы даже чуть за грудки схватились. Ребята нас с ним разнимали. Было и такое.

ВГ: Потом, наверное, вместе и вспоминали?

БН: Потом вспоминали, хохотали... Но Юра умер тоже.

ВГ: Очень интересная информация про общежитие. А что из себя представляла ваша группа, в которой Вы оказались? Говорят, там было 25 человек?

БН: Да, 25 человек было. В группе, конечно, преобладали местные ленинградские ребята. «Длительных» блокадников среди них было сравнительно мало. Большинство всё-таки оказались в эвакуации. Но война всех опалила тогда. Наше поколение, где бы кто ни жил, хоть на Чукотке – всё равно, война опалила чем-то нас всех. Невозможно было хоть где-то от неё уберечься. Даже если не бомбили и не слышно было разрывов, но голодали и переживали лишения все.

ВГ: И горе, и ужас, и все трудности войны.

БН: Да, и смерти близких. Я считаю, что война опалила своим огнём все наши поколения. Поэтому не столь важно, кто долго жил в блокаде, кто там меньше жил. Это были в основном местные ребята. В первые годы после войны антиеврейский вопрос ещё не поднимался, поэтому в нашей группе было много евреев. Обычные ребята, девочки и мальчики. Мы хорошо дружили. Это потом, когда мы уже стали выпускниками, их начали «трамбовать».

ВГ: В смысле, притеснять их?

БН: Да, притеснять. Это уже было позднее.

ВГ: Кто-то из них стал потом известным китаеведом?

⁶ *Петросян Юрий Ашотович* (1930-2011). Тюрколог, профессор, д.и.н.(1970). Научный сотрудник ЛО ИВ АН СССР (с 1956). Заведовал ЛО ИВ АН СССР (1963-1996)

⁷ *Цинциус Вера Ивановна* (1903-1981). Советский лингвист, специалист по алтайским языкам

⁸ *Рытхэу Юрий Сергеевич* (1930-2008). Советский, российский и чукотский писатель. Писал на чукотском и русском языках

БН: Ну, конечно! Это, например, покойный Лев Николаевич Меньшиков. Но на первое место я ставлю всё-таки русского однокурсника Виктора Васильевича Петрова⁹.

ВГ: Это Ваш одноклассник?

БН: Да, это мой одноклассник. Он позднее остался учиться на филологическом отделении, я же перешёл на историческое. Но это было уже с 3-го курса. А первые два года мы учились вместе с ним в одной группе.

ВГ: То есть, было общее обучение, а потом разделение по специальностям?

БН: Когда я пришёл в 1947 году, такого не было. Был единый процесс обучения, единый учебный план. Где-то с 3-го курса предусматривалась некоторая, не очень чёткая специализация. Нам читали на 1-2 курсах не только филологические дисциплины, но и такие курсы, как экономика, история Китая. Кстати, В.М. Штейн читал курс «Экономика Китая на исторической основе». Заведующим кафедрой был академик Василий Михайлович Алексеев¹⁰, который читал нам основной курс типа «Введение в китайскую филологию». Это был курс обо всём: о литературе, письменности, духовной культуре, религии, этнографии и многих других аспектах прошлого и современной жизни Китая. Но акцент, конечно, делался на прошлом, на классике. Необъятную картину, которую живописал нам Василий Михайлович, потом «приземляла», конкретизировала его ученица Ольга Лазарева Фишман¹¹ в своих лекциях по истории китайской литературы-культуры... В 1949 году началась реформа факультета, разделение кафедр на филологические и исторические, и так далее. Но это особый вопрос, о нём надо говорить отдельно.

ВГ: Можно ли рассказать побольше про Петрова?

БН: Да. Петров, конечно, с самого начала выделялся. Это человек, который, во-первых, был уже и подготовлен, он уже знал иероглифы. Разговорный язык ещё не очень постиг, но иероглифику он прилично знал, умел писать иероглифы. Виктор был прирожденный филолог, гуманитарные знания давались ему легко и свободно. И, как талантливый человек, он обладал познаниями и способностями во многих других областях. И главное, как показала его последующая деятельность, обладал педагогическим, лекторским даром. Его лекции – яркие, эмоциональные, и в то же время логически чёткие и понятные не забывает ни один из слушателей. А о Китае он со студенческих лет знал больше, чем кто бы то ни было из однокурсников,

⁹ *Петров Виктор Васильевич* (1929-1987). Китаевед-филолог, литературовед, переводчик и педагог. Окончил востфак ЛГУ (1951). Преподаватель востфака ЛГУ (1951-1987). Член Союза писателей СССР (с 1957)

¹⁰ *Алексеев Василий Михайлович* (1881-1951). Китаевед (литературовед, историк, знаток культуры Китая). Окончил факультет восточных языков Петербургского университета (1902). Работал в Англии, Франции, Германии, Китае (1904-1909). Академик АН СССР (1929). Преподаватель СПбГУ/ЛГУ (1910-1951). Сотрудник Азиатского музея / ИВ АН СССР (1902-1951). Член американской Академии политических и социальных наук (1923). Член Союза писателей СССР (с 1947)

¹¹ *Фишман Ольга Лазаревна* (1919-1986). Китаевед, литературовед, д.филол.н. (1965). Окончила филологический факультет ЛГУ (1941). Преподаватель ЛГУ (1946-1949). Научный сотрудник ЛО ИВ АН СССР (1956-1986). Член Союза писателей СССР

включая даже Меньшикова¹², Софронова¹³ и других. Меньшиков и Софронов тоже со мной учились.

ВГ: Можно ли и о них хотя бы в двух словах вспомнить, как про одноклассников?

БН: Ну, да. Ещё раз подчеркиваю, что на первое место я ставлю всё-таки Витю Петрова. Это большой талант, если не гений. Если говорить о легендарных личностях послевоенных поколений востфака (не только китаеведения!), то это наряду с Н.А. Спешневым, конечно же, В.В. Петров. А надо сказать, что Витя Петров всего лишь единственный раз побывал в Китае в конце 1950-х годов. Литературовед, переводчик, член Союза писателей СССР, В. Петров за недолгие годы своей творческой деятельности опубликовал около 100 научных трудов и переводов. Удивительный для своих лет востоковед-эрудит, он всегда охотно помогал коллегам, делился с ними своими знаниями и идеями. На каждый заданный ему вопрос неизменно давал исчерпывающий ответ. Короче, это был уникальный человек, и крайне жаль, что мы так рано потеряли его. Конечно, были в нашей группе и другие заметные личности. Например, Лёва Меньшиков. Он был постарше нас, 1926 года рождения. Этот год уже не призывали в армию, на фронт. Последними, по-моему, брали ребят с 1925 года. Если бы война продлилась до конца 1945-го, возможно, пошёл бы и 1926-й год. Но война кончилась, и молодёжь 1926 года рождения не мобилизовали. До поступления в университет Меньшиков работал где-то в геологических экспедициях, а будучи на 2-м или 3-м курсе уже женился. В общем, вёл вполне взрослую жизнь. От нас, зелёной молодежи, он отличался особой серьёзностью, основательностью, хотя общался с нами вполне свободно и легко. С Виктором Петровым и Мишей Софроновым мы одноклассники. Михаил Викторович Софронов, – ты, Валентин, знаешь его?

ВГ: Как раз сейчас наши коллеги заканчивают запись интервью с М.В. Софроновым. Когда оно будет готово, я могу Вам потом его прислать.

БН: Хорошо! Кроме молодых ребят, у нас в группе было ещё несколько более взрослых людей, фронтовиков, как их тогда называли. Это были люди, прошедшие фронт, войну. На них все ориентировались, и они как-то всю группу сплачивали. Хотя учёба давалась им явно труднее... Но в остальном вокруг них всё крутилось. Каждый прибежит, спросит: «Николай Дмитрич, а как вот это...?» Был у нас такой фронтовик, Николай Дмитриевич Яшкин, его все очень уважали, а для меня он долгие годы (и после окончания университета) был ближайший старший друг и наставник (умер Н.Д. в 1976 году)

ВГ: То есть, фронтовики держали вас своим авторитетом?

¹² *Меньшиков Лев Николаевич* (1926-2005). Китаевед, историк и литературовед. Д.филол.н. (1976), профессор. Окончил востфак ЛГУ (1952). Специалист по китайской драме, издатель и интерпретатор традиционных китайских текстов (в т.ч. рукописей из Дуньхуанского фонда и коллекции Хара-Хото). Почётный член Дуньхуанской академии КНР (1999). Научн. сотрудник ЛО ИВ АН СССР (с 1955)

¹³ *Софронов Михаил Викторович* (1929 г.р.). Востоковед, языковед, д.филол.н. (1970), профессор. Научный сотрудник ИВ АН СССР (1957-1970), ИДВ АН СССР (с 1970). Преподаватель МГУ (с 1970). Окончил востфак ЛГУ (1952). Вёл исследования по дешифровке и реконструкции тангутского языка («Грамматика тангутского языка», кн. 1-2, 1968)

БН: Да, держали. Я один пример могу привести. Идёт потоковая лекция какая-нибудь, скучная. Например, по истории партии или СССР (что было практически одно и то же!). Не все преподаватели владели лекторским мастерством. Нередко материал, и без того не слишком привлекательный, подавался лектором ещё более сухо и бесцветно, так что слушать было тошновато (это, конечно, никоим образом не относится к лучшим лекторам!). И вот, сидят студенты на такой скучной лекции, на задних скамейках девочки вяжут, мальчики играют в кораблики (в «морской бой»). И кто-то там засмеялся на задних рядах, на «камчатке». И вдруг, вскакивает один из фронтовиков и зычно так кричит: «Тихо!» Он привык к армейской дисциплине, а тут такое безобразие – сидят дети, им читают лекцию, а они занимаются чёрт-те чем! Такие вот были в нашей жизни моменты.

ВГ: Можно ли вспомнить кого-то ещё из Ваших одноклассников?

БН: Конечно! Слава Страхов, скажем. В студенческие годы он очень заметным был.

ВГ: Он стал китаеведом потом тоже?

БН: Увы, он как раз ушёл из профессии. Но человек был способный к языкам, тяга к знаниям у него была и учился прекрасно. Вот как раз его В.М.Алексеев «подкалывал» за произношение на французском, называя его «нижегородским прононсом». Это было немножко обидно: по объективным возможностям Слава неплохо владел французским – легко, почти без словаря переводил тексты по специальности. Ну, а разговорный язык – для этого требовалась практика, которой он, скорее всего, не имел в Вологде, откуда приехал на учебу в ЛГУ (как год спустя Гоша Смолин)¹⁴. Так что в отношении французского языка Славы Страхова академик проявлял некоторый снобизм, едва ли похвальный для педагога... Понятно, что кроме востфака ЛГУ и ЛО ИВ АН СССР работы по нашей специальности в начале 1950-х годов в Ленинграде не было категорически. Помучившись на «временках» (кратковременных рабочих местах), Слава ушёл работать в Аэрофлот, где со своим знанием двух западных иностранных языков (французского и английского) сделал неплохую карьеру. Позднее, по слухам, он переехал в Москву, работал где-то за рубежом и т.д. Ну, а китайский язык, который Слава осваивал вполне успешно, остался без применения. Вообще же, с точки зрения места в раннем послевоенном китаеведении Ленинграда, мои одноклассники занимали, можно сказать, некое срединное положение. С одной стороны, впереди нас шёл старший курс, первого послевоенного приёма 1945 г., где выделялись Е.А. Серебряков¹⁵, Р.Ф. Итс¹⁶, В.И. Кудрин, Т.А. Малиновская¹⁷, за

¹⁴ *Смолин Георгий Яковлевич* (1930-2011). Китаевед, д.и.н. (1971), профессор (1976). Окончил востфак ЛГУ (1953). Работал в Библиотеке АН СССР (1953-1962). Преподаватель востфака ЛГУ (с 1962). Специалист по средневековой истории Китая

¹⁵ *Серебряков Евгений Александрович* (1928-2013). Китаевед, д.филол.н. (1973), профессор ЛГУ (1974). Окончил востфак ЛГУ (1950). Специалист по китайской классической поэзии

¹⁶ *Итс Рудольф Фердинандович* (1928-1990). Китаевед, этнограф, д.и.н., профессор ЛГУ, замдиректора по Ленинградской части Института этнографии АН СССР, член

которыми мы, так сказать, бежали. С другой стороны, сзади нас вплотную подпирали, дышали нам в спину «младшенькие» – китаисты с курсов, принятых в 1948 и 1949 годах. Это Г.Я. Смолин, Ю.Л. Кроль¹⁸, Б.Б. Вахтин¹⁹, И.Т. Бабиева (Зограф)²⁰, Т.А. Пострелова²¹ и другие. Так что мы были, в хорошем смысле, зажаты с двух сторон и должны были «идти на прорыв».

ВГ: Но получается, что из китаеведов-профессионалов с Вами непосредственно учились только Петров, Меньшиков и Софронов?

БН: Нет, почему же! Ещё Спириин Володя²²!

ВГ: Спириин! Это же очень известный китаевед! Можно ли узнать, каким он был студентом?

БН: Ну он был необщительный, как правило.

ВГ: То есть, вы не дружили?

БН: Нет, не были друзьями. Но все в группе были в хороших отношениях. Спирина мы называли – «пошехонец».

ВГ: Почему?

БН: Ну из такого вот Пошехонья – дескать, сидит он всё в уединении. Молчун скорее, нежели активный. Ну, ещё Боря Доронин²³ со мной учился.

ВГ: И Доронин Борис Григорьевич с Вами учился? А Доронин был или не был «ботаником»?

Союза писателей СССР. Как писатель-фантаст известен также под псевдонимом Р. Демидов

¹⁷ *Малиновская Татьяна Александровна* (1922 г.р., в г. Калуга). Китаевед, к.филол.н.(1970), доцент (1974). Окончила востфак ЛГУ (1950), преподаватель ЛГУ (с 1950). Специалист по китайской классической драме

¹⁸ *Кроль Юлий Львович* (1931 г.р.). Китаевед, д.и.н. (1992). Окончил востфак ЛГУ (1951). Ведущий научный сотрудник ИВР РАН. Научный сотрудник ЛО ИВ АН СССР (с 1957). Специалист по древней истории Китая

¹⁹ *Вахтин Борис Борисович* (1930-1981). Китаевед, к.филол.н. (1959). Окончил востфак ЛГУ (1954). Научный сотрудник ЛО ИВ АН СССР (1957-1981). Член Союза писателей РСФСР (с 1961). Переводчик, специалист по средневековой китайской поэзии

²⁰ *Зограф Ирина Тиграновна* (1931 г.р.). Китаевед, ведущий научный сотрудник ИВР РАН, д.филол.н. (1981), окончила востфак ЛГУ (1954)

²¹ *Пострелова Татьяна Александровна* (1931-2010). Китаевед, искусствовед, к.искусств. (1969). Окончила Востфак ЛГУ (1954), Ленинградскую академию художеств (1965). Преподаватель ЛГУ (с 1969), ЛГПИ им. А.И. Герцена и др. Науч. сотрудник ЛО ИВ АН СССР (1982-1998). Специалист по китайской классической живописи

²² *Спириин Владимир Семёнович* (1929-2002). Китаевед, к.филол.н. (1970). Окончил Востфак ЛГУ (1952). Научный сотрудник ЛО ИВ АН СССР (с 1952). Специалист по методологии исследований (структурным подходам) древнекитайской философии

²³ *Доронин Борис Григорьевич* (1928). Китаевед, историк, д.и.н. (1993), профессор (1995). Преподаватель Восточного факультета СПбГУ (с 1968). Специалист по истории династий Мин (1368-1644) и Цин (1644-1912)

БН: Может быть, отчасти, ведь некоторые «ботанические» черты присутствовали у многих из нас... Но «полных ботаников», неспособных «оторваться», впасть в детство, были единицы. Вот, пожалуй, Володя Бергер, ну, ещё 2-3 человека...

ВГ: Спасибо! А Спирина как Вы воспринимали?

БН: Спирин учился хорошо, способностями не был обделён. Но он не входил ни в одну из компаний. Просто со всеми у него были ровные отношения, но не более. Володя скорее был такой интроверт...

ВГ: Всё-таки он стал замечательным авторитетным учёным, которого коллеги очень уважают за научный вклад. В те годы были ли заметны какие-то признаки, симптомы того, что он станет хорошим профессионалом?

БН: Нет, никто не мог этого сказать. Наверно, потому что всё заслоняли такие яркие личности, как Петров, скажем, тот же Меньшиков, Слава Страхов. А вот Володя Спирин, он всегда как-то на периферии был. Миша Софронов тоже старался, и в чём-то даже не уступал нашей первой троице. В то время в СССР велась дискуссия о рабстве в Китае. Преподаватели, конечно, поощряли студенческое общество на обсуждение этой проблемы. И Миша поднял такую «бучу» насчёт этого рабства... Мишка был очень активным.

ВГ: Что же он доказывал, что рабство было, или что его не было в Китае?

БН: Да, вроде как, он доказывал, что оно существовало-таки. Это, кстати, совпадало с точкой зрения Го Мо-жо...

ВГ: Это интересно!

БН: Ну, а потом-то мы уже на старших курсах везде искали в Китае «азиатский капитализм». И каждый там «шуровал» – надо было найти этот «азиатский капитализм» в позднесредневековом Китае, но он как-то слабо обнаруживался...

ВГ: Как состоялась Ваша личная встреча, первое знакомство с китайскими иероглифами и с китайским языком?

БН: С китайскими иероглифами знакомство прошло как раз хорошо. Потому что я немножко рисовал в детстве, и мне это было легко. Я с удовольствием писал их. Конечно, начал нас учить писать иероглифы Василий Михайлович Алексеев. Он писал на доске, но не очень красиво. Потом учил нас писать не китаец, а кореец. Был такой Михаил Фёдорович Хван. Он преподавал иероглифику и у японистов, и у корейцев, и у китайцев. Он великолепно писал, просто очень красиво! Мы с удовольствием у него учились. А среди нас красивее и быстрее всех писал, конечно же, Витя Петров.

ВГ: Значит, даже когда он был студентом, у него уже почерк выработался?

БН: У него был свой почерк, вполне узнаваемый.

ВГ: Интересно!

БН: Свой почерк был и у Лёвы Меньшикова, и у Миши Сафронова. Ну, и у меня с иероглифами очень хорошие были отношения, и я вообще любил их писать.

ВГ: Кто преподавал вам китайский язык, грамматику?

БН: Граматику вначале преподавал Александр Александрович Драгунов²⁴.

²⁴ Драгунов Александр Александрович (1900-1955). Китаевед, тибетолог, кандидат языкознания (1937). Окончил ЛГУ (1925). Изучал китайские диалекты, автор работ по дунганскому языку. Преподаватель ЛВИ-ЛГУ (1928-1942), ДВГУ и ДВПИ (Владивосток, 1930-1936). Научный сотрудник ИВ АН СССР (1928-1955)

ВГ: Хорошо преподавал? Легко Вам было учиться?

БН: Тяжело, тяжело было. Почему? Потому что это язык совсем другой системы. Хотя Александр Александрович, действительно, вкладывал в это дело всю душу. Вот он – настоящий педагог. И, как педагог, он для большинства из нас, конечно, был «понятнее» Василия Михайловича Алексеева. Алексеев – учёный самой высшей пробы. Но, с точки зрения педагогики, у меня остались о нём несколько противоречивые впечатления. Могу в этом честно признаться. Василий Михайлович едва ли адаптировал свои лекции к уровню аудитории. Он скорее наслаждался любимыми темами, как гурман изысканными яствами. А вот Александр Александрович – заботился о том, чтобы излагаемый им материал «доходил» до каждого слушателя: он всё напишет, потом много раз повторяет, каждого обойдёт. Он это постоянно делал. То есть, основы грамматики он вложил в нас. Хотя преподавал нам всего год, всё-таки маловато. Но на втором курсе у нас многие пошли писать курсовую работу к Драгунову. Я, в том числе, писал работу о наречии «жань» 然 в современном китайском языке...

ВГ: А кто потом преподавал Вам китайский?

БН: Потом уже пошла чехарда! Михаил Фёдорович Хван тоже от нас ушёл. Он плохо себя чувствовал, и у нас преподавали какие-то абсолютно случайные люди, пока не появился Виктор Андреевич Вельгус²⁵. Всё-таки, уровень был уже несколько иной.

ВГ: А кто такой Вельгус?

БН: Вы что, не знаете Вельгуса? Ну, это тоже не совсем обычный человек! Во-первых, он был полукитаец. Во-вторых, он прожил много времени в Китае. Ну, и был пострадавшим (подвергался репрессиям) в те трудные времена... Он приехал сюда фактически без образования, но с прекрасным знанием китайского разговорного и литературного языка, китайской культуры. А я вообще с ним даже дружил, с Виктором Андреевичем. Подружились мы через того самого Николая Дмитриевича Яшкина, который был мой старший друг и наставник. Они дружили, а я тоже очень дружил с Яшкиным. Более того, получилось так, что Виктор Андреевич кончал факультет позже нас. Я тогда уже работал, и даже экзамен у него принимал. Ну, просто выставил ему оценку за экзамен: мне явно неудобно было о чём-то спрашивать этого по возрасту значительно более старшего, а главное, гораздо более эрудированного, чем я сам, человека. Вельгус, если можно так сказать, это своего рода Спешнев²⁶ (в поступлении которого на наш факультет мне также довелось участвовать: в тот год я как старшекурсник-общественник работал летом в составе факультетской приёмной комиссии). Вельгус также был блестящим переводчиком, он очень много перевёл. Они жили гражданским браком с Циперович Изольдой Эмильевной. Наверно, слышал это имя? Тоже ученица

²⁵ *Вельгус Виктор Андреевич* (1922-1980). Китаевед, к.и.н. (1966). Родился в Москве. Учился в Китае, окончил Восточный институт (Тяньцзинь, 1944). В 1962 окончил Востфак ЛГУ. Научный сотрудник ЛО Института этнографии АН СССР (1960-1978)

²⁶ *Спешнев Николай Алексеевич* (1931-2011). Китаевед, лингвист, переводчик, д.филол.н.(1987). Окончил востфак ЛГУ (1957), преподаватель ЛГУ с 1957. Профессор (1989), почётный профессор СПбГУ. Родился в г. Пекин

В.М.Алексеева. И Ольга Лазаревна Фишман была рядом. Вельгус тоже потом немножко преподавал нам разговорный китайский язык. Конечно, у него уже другой, высокий уровень был. А до Вельгуса разговорный язык нам преподавал Нидэгэнь. Он себя называл Ниткин²⁷.

ВГ: Я как раз хотел спросить, преподавал ли вам Ниткин? Кто он такой? У нас очень мало сведений о нём!

БН: Он, якобы, был художником. Но профессиональный он художник, или нет – мы это не знали. И никаких работ его не видели.

ВГ: А что Вы знали о нём ещё?

БН: Очень мало! Он, по-моему, даже слабо владел пекинским диалектом (бэйцзин хуа). У него была какая-то странная речь. Конечно, он был носителем языка. Но какого?! И, конечно, абсолютно не владел методикой преподавания. Как говорится, не всякая рыба – ихтиолог! Писал он по-китайски, конечно, неплохо. Очевидно, как художник. А вот с языком – явная «хана». Потом ещё кто-то нас учил, потом ещё. Началась полная чехарда! И нас до конца с языком так и не довели.

ВГ: То есть, были проблемы потом с китайским языком?

БН: Очень большие. Это, кстати, отмечали в своих воспоминаниях и китаисты последующих, более младших курсов, в частности, покойный Е.И. Кычанов, который учился на факультете в 1950-1955 гг.

ВГ: Выходит, обучение китайскому языку было поставлено слабо.

БН: Тут такое дело. Какие-то китайцы приезжали в СССР в 1930-х годах. Потом, в 1949 году, образовалась КНР. И в 1950 году уже пошёл поток китайцев, прибывавших к нам сюда по договору учиться разным наукам. Некоторых из них, наверно, можно было использовать как преподавателей-носителей языка. Среди них было немало толковых ребят. Но, судя по всему, китайская сторона запрещала им отвлекаться на другие дела, кроме учебы. А у нас тогда катастрофически не хватало преподавателей китайского языка. Поэтому делали всё возможное, чтобы ускоренно их готовить из своих выпускников. В 1950 году С.Е. Яхонтов кончает университет, и его сразу ставят на преподавание, потому что у него с языком хорошо. Потом Вите Петрову говорят – можешь досрочно кончить? За четыре года, вместо пяти? Он кончает факультет, и в 1951 году тут же приступает к преподаванию языка. В 1952 году, когда я кончал востфак, на китайское отделение (уже на филологию и историю) приняли 120 человек!

ВГ: И уже Ваше поколение подхватило эстафету.

БН: Ну, да, кто-то начал преподавать. Но потом этих 120 человек разогнали. Часть – на филфак, часть – на истфак. Часть ещё куда-то ушло. То есть, оставили нормальное количество. Потому что не переварить было, во-первых. Ну, а, во-вторых, вообще это было неразумно. Надо было бы отдельный китаеведческий факультет создавать.

ВГ: Какие лекции, и как, читал вам академик Алексеев?

БН: Конечно, он читал лекции так сказать, артистично, увлекаясь сам, и забывая даже о том, кто его слушает. В отличие от лекций Александра Александровича

²⁷ *Ниткин Владимир Краснович* (Ни Дэ-гэнь) (1905 -1960е?). Этнический китаец. Преподавал китайский язык в ЛУГ. По профессии художник

Драгунова, Георгия Феофановича Смыкалова²⁸ (я же всех их слушал!) и Ольги Лазаревны Фишман (это ученица Алексеева, она тоже вела курс истории китайской литературы), лекции Алексеева были рассчитаны всё-таки на эрудитов. Но в группе были разные по уровню люди. Было и среднее звено (я себя причисляю к этому звену), и звено ещё слабее. Им эти лекции, конечно, было очень тяжело воспринимать. Алексей не приспособивал свои лекции как-то более гибко. То есть, «наслаждались» немногие. Другие пыхтели, пытались понять. А третьи вообще сидели в прострации. Отключались. И так это было два года. Думаю, достаточно одной этой подробности. Прошу прощения, я не буду говорить то, что все всегда говорят про В.М. Алексеева: «Это гений, это столп нашей науки!». Да, он – столп, он – гений. Но, как у педагога, у него были некие изъяны, как я потом понял задним числом. Всё-таки он рассчитывал на свою малочисленную элиту в каждой группе. Его можно было, в определённой степени, сравнить с гурманом, смакующим изысканные блюда в присутствии, главным образом, «едоков картофеля»...

ВГ: То есть, он либо не чувствовал вас, либо сознательно ориентировался на узкий круг?

БН: Думаю, второе. Скорее, сознательно ориентировался на элиту...

ВГ: Но, всё же, само присутствие Алексеева как-то повлияло на Вас?

БН: Может быть, на некоторых... Лично же я не страдал подобострастием и сервильностью, как... некоторые. Просто не знал, что так можно себя вести. А он иногда бывал не очень даже адекватен в отношении нас, его слушателей и воспитанников (я могу привести примеры). Весьма специфическим было и содержание лекций В.М. Так, он целый семестр трактовал нам, скажем, четыре строчки китайского палиндрома сунского времени. Это стих, который в обе стороны читается со смыслом. Вот четыре строчки эти он нам и комментировал Каждый иероглиф – у него же свой образ. Алексей этот иероглиф брал и рассматривал: у такого-то поэта он значит то-то, а у такого-то – другое. Вот, смотрите, – иероглиф *чоу* 臭 – вонять. Я помню, он чуть ли не целый месяц читал нам про это *чоу*. Это, конечно, целая энциклопедия информации, но только для знатоков. Для большинства же из нас (мы ведь делились впечатлениями!) это было подобно какой-нибудь квантовой теории: нырнёшь, не вынырнешь. Мне кажется, с точки зрения студенческой аудитории, как у человека обучающего, у Алексеева были явные минусы.

ВГ: Понятно. Как формировался Ваш интерес в отношении Китая? Как Вы сужали круг своих интересов по мере обучения? Как выбирали курсовые по истории?

БН: Да что тут сужать?! Я любил историю с самого начала, она была мне более симпатична, чем чистая филология – рассматривать какие-то художественные произведения, отдельных поэтов, писателей. История меня больше влекла, конечно. Поэтому после двух лет я, Володя Спирин, Доронин, Яшкин и ещё

²⁸ *Смыкалов Георгий Феофанович* (1877-1955). Китаевед, профессор. Окончил Петербургский университет (1902). Стажировался в Китае (1903-1907). Магистр (1907), профессор (1947). Преподавал китайский язык с 1913, в т.ч. в ЛГУ (1938-1955). Научный сотрудник ИВ АН СССР (1938-1955)

несколько студентов перешли на историческое отделение... А «корифеи» и примкнувшие к ним остались на филологии. Алексеев ещё преподавал у них, по моему, года полтора, до своей кончины. Ну, вот, перешли на это историческое отделение. То, что говорили нам на этом отделении, было понятнее, легче. Но, с другой стороны, здесь было меньше языка. Сразу, резко сократились занятия китайским. Ефимов²⁹ языка не знал.

ВГ: Вам преподавал Геронтий Валентинович Ефимов?

БН: Да. Он был прекрасный лектор и очень суровый учитель. Скажем так, тоже неоднозначный как человек. Но он очень много заложил в нас. Очень много заложил не только во мне, но и во всех, кто прошёл дальнейшую университетскую школу. Это и серьезное внимание к современности, и признание значимости не только Китая, но и всей международной обстановки. Это и такая политизация (в немалой степени, в положительном смысле) нашего мышления. Потому что Алексеев всего этого не давал и дать не мог, согласитесь. А здесь было уже то, что тогда требовалось. Не надо забывать, что партийные установки в то время оказывали серьёзное воздействие на нашу жизнь, хотя люди университетской среды никогда не были тупыми ортодоксами, но и в диссиденты шли единицы. Исходили из реальной обстановки

ВГ: Партийная линия.

БН: Да, партийная линия. Да, Г.В. Ефимов нам это дал, но язык не дал. И я помню, что на пятом курсе он (ему же тоже нужно было писать, работать) раздавал определённые части текстов лучшим студентам, просил переводить. Помню, что я переводил одну из ранних статей Сунь Ят-Сена, где он выступает – и меня это просто поразило – с позиций махрового расиста.

ВГ: Видимо, там Сунь говорил о «паназиатизме».

БН: Да. Я в «отпаде» был полным! Я перевёл, отдал перевод Ефимову, выразив своё удивление прочитанным. Он только пожал плечами... То есть, он «пасся» тогда на студентах. Это у него был минус большой. Никто из историков-международников, которые занимались Китаем, китайским языком не владел. Также и пришедший к нам с истфака несколько позднее Л.А.Березный³⁰. Поэтому Березный почти всю жизнь занимался критикой американской китаеведной историографии, работая с англоязычными материалами. Ефимов был пошире. Он охватывал многие темы новой и новейшей истории Китая, написал одну из первых послевоенных отечественных обобщающих работ по этим периодам, книгу о внешней политике империи Цин в конце XIX в., несколько серьёзных работ о Сунь Ят-сене, публикации по источниковедению и историографии и другие.

ВГ: А кто был руководителем Ваших курсовых работ?

²⁹ *Ефимов Геронтий Валентинович* (1906-1980). Китаевед, д.и.н. (1958), профессор (1958). Окончил ЛИФЛИ (1932). Преподаватель ЛГУ с 1941, зав. кафедрами истории Востока и Дальнего Востока, проректор ЛГУ (1961-1965). Труды по истории Китая в новое и новейшее время

³⁰ *Березный Лев Абрамович* (1915-2005). Китаевед, д.и.н. (1969), профессор (1971). Окончил истфак ЛГУ (1941). Преподаватель Восточного факультета ЛГУ с 1949. Специалист по зарубежной историографии Китая XX в. и по новейшей истории Китая

БН: До перехода на историческую кафедру моим руководителем был А.А. Драгунов, после перехода – Г.В. Ефимов. Он же был моим руководителем в аспирантуре. Помню, на 3-ем курсе я писал работу на тему: «Чифуская конвенция 1876 года»³¹. Потом была курсовая о подготовке Синьхайской революции³². А дипломная работа у меня была по теме «Начало распространения марксизма в Китае». А это – 1952 год. Ещё Гарушянц³³ не перевёл первых статей Ли Да-чжао³⁴. Я, наверно, раньше Юрия Мисаковича переводил с китайского статьи Ли Да-чжао «Победа масс», «Победа большевизма», и использовал эти статьи в своей работе. Но эти переводы, возможно, не очень совершенные, не были опубликованы. Уже по «эволюции моих тем можно видеть, что нас тогда на современность переводили. Классикой, которая была у Алексеева, там и не пахло. Хотя Витя Петров нашёл в себе силы, и после того, как не стало Василия Михайловича, он всё-таки занялся современной литературой: Ай Цин,³⁵ Лу Синь.³⁶ Витя даже творчеством Лао Шэ³⁷ занимался. Всё-таки, он тоже был политизированный человек. Виктор был глубоко партийный, поэтому он, воспитанный на классике, всё же перешёл на современность.... Подобная политизированность и вела многих из нас в современность, актуальность которой особо подчёркивалась партийными органами и администрацией.

ВГ: Хотя нравились Вам с самого начала Средние века?

БН: Да, в детстве, в школе мне, действительно, нравилась медиевистика, Средние века, рыцарство, Османская империя, борьба в Средиземноморье, крестоносцы, – это мне всё нравилось. Но ведь и история Китая не уступает, если даже не превосходит европейскую и ближневосточную по тонкости сюжетов, закрученности событий и т.п. Так что я не проиграл, а даже выиграл в «интересности» специальности...

ВГ: Как решался вопрос о Вашем трудоустройстве после окончания университета?

³¹ *Чифуская конвенция* – Неравноправное соглашение, навязанное Китаю Великобританией, использовавшей для этого в качестве предлога убийство в пров. Юньнань английского чиновника. Было подписано 13.09.1976 в г. Чифу (Яньтай). Предусматривала открытие для английской торговли 4 новых портов [Ичан, Уху, Вэньчжоу, Пакхой (Бэйхай)] и давала Великобритании ряд других привилегий

³² *Синьхайская революция* 辛亥革命 Началась 10.10.1911. Привела к свержению монархии в Китае и созданию 1 января 1912 Китайской республики

³³ *Гарушянц Юрий Мисакович* (1930-2012, м.р. Баку). Китаевед-историк. Окончил МИВ (1953). К.и.н. (1969). Научный сотрудник Института китаеведения (1957-1961), Института востоковедения (1961-1962 и с 1978), ИМРД (1969-1973), ИМЭМО (1973-1978) АН СССР. Автор более 120 научных работ. Интервью для проекта «Китаеведение – устная история» см. на сайте ИВ РАБН: <http://www.ivran.ru/project-modernization-models/57>

³⁴ *Ли Да-чжао* 李大釗 (1889-1927) – учёный, революционер и общественный деятель, один из первых китайских марксистов и основателей КПК

³⁵ *Ай Цин* 艾青 (1910-1996). Знаменитый китайский поэт

³⁶ *Лу Синь* 魯迅 (Лу Сюнь, 1881-1936). Знаменитый китайский писатель

³⁷ *Лао Шэ* 老舍 (1899-1966). Знаменитый китайский писатель

БН: Сложно решался. Я окончил университет с отличием, был рекомендован и поступил в аспирантуру. Ефимов – руководитель. Какая была тема? Тему мне задал не кто иной, как Николай Васильевич Кюннер³⁸. Его лекции я слушал немножко. И вне аудитории мы иногда общались с Николаем Васильевичем. Потому что я ещё на пятом курсе мучился – какую в аспирантуре тему избрать? И что-то мне с марксизмом уже виделся какой-то тупичок. Ведь здесь всё заранее было понятно – пусть нелегкий, но победоносный путь. Больше манила тема с каким-то подтекстом, секретом... И я решил посоветоваться не только с Ефимовым, который ещё больше толкнул бы меня вперёд, к «самой современной современности», но и с Николаем Васильевичем, который слыл больше консерватором, нежели новатором. И он, так вот, тихо, шамкая немножко, мне сказал: «Да тем-то много! А Вы, молодой человек, как у Вас с языком?» Я говорю: «Да, как будто, на нашем уровне – ничего». «Там переводить много надо будет. Вот почитайте мою такую книгу «История стран Дальнего Востока», я там немножко говорю, что была такая секта «Белый лотос». Неплохо бы заняться её историей, она ещё не описана у нас. Там, где-то в Европе, немножко писали, но это всё очень поверхностно, надо брать уже китайские материалы». Вот что мне сказал Кюннер. Мне как-то запала в душу эта тема, потому что заниматься очень уж прямолинейными вопросами марксизма мне почему-то не хотелось. Меня тянуло куда-то к «маргиналам». Не знаю, почему. Правда, меня потом стали обзывать – говорили, что я «Ванькой Каиным»³⁹ занимаюсь только.

ВГ: То есть, тайными обществами, деятелями тайных обществ, разбойниками?

БН: Да-да!. Ну, и когда я поговорил об этом с Ефимовым, он говорит: «А что, Николай Васильевич правильно говорит. Это же народное движение! А Новое время – это, Борис Михайлович, наше с Вами время. Вот, и давайте! Я не против этой темы». И он стал руководителем. Конечно, он, Ефимов. И я стал сначала изучать имеющиеся сведения об истории секты «Белый лотос». А что было потом – это уже другие вопросы.

ВГ: Но, помимо аспирантуры, Вас, кажется, взяли ещё работать ассистентом на кафедру? Или это потом уже было, после диссертации?

БН: Нет, моё трудоустройство было очень непростым. Я кончил аспирантуру без защиты. Почему – да потому, что я поступил в аспирантуру, и уже в конце 1-го курса меня избрали секретарем комитета комсомола университета. Я был один из последних, даже последний, пожалуй, так называемый «Комсорг ЦК ВЛКСМ» в университете. Такое было звание, потом его отменили. Избрали, и я вынужден был уйти в отпуск из аспирантуры. Ректором у нас был тогда Александр Данилович

³⁸ *Кюннер Николай Васильевич* (1877-1955). Востоковед, историк, этнограф. Специалист по истории и этнографии Китая, Тибета, народов Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока. Научный сотрудник Института этнографии АН СССР (1934-1955)

³⁹ *Каин Ванька* (Иван Осипов, 1718-1756). Знаменитый вор, разбойник и московский сыщик, ставший легендарным героем-символом воровских приключений и удалства

Александров⁴⁰. Он мне и посоветовал: Оформляйте академический отпуск. Когда освободитесь от этой работы, тогда и восстановитесь в аспирантуре». Ладно, стал я работать комсоргом. А это 1952-1953 годы, политически и идеологически тяжелейший период. Хотя «ленинградское дело» уже стихало, зато продолжалась раскрутка так называемой «борьбы с космополитизмом», то есть политики дискриминации евреев и «проеврейской» интеллигенции. Было сострепано пресловутое «дело врачей-убийц». Правда, на нас это поначалу мало сказалось, медиков в университете тогда не было. Но, в конце концов, пусть косвенно, но коснулось порядочно. 1 декабря 1952 года, в день смерти Кирова⁴¹, уже появившиеся тогда у нас на филфаке студенты-«диссиденты» устроили скандальную выходку... И тут всё началось! Меня начали вызывать всюду: в Ленинграде – в городской комитет партии, в Смольный, потом в Москву, в ЦК ВЛКСМ: «Отвечайте, что там у вас за безобразие?!»

ВГ: Под «выходкой» что имеется в виду? Нужно бы подсказать переводчикам!

БН: Для переводчиков это слово, конечно, едва ли достаточно понятно. Устроили протестное такое выступление в день памяти Кирова, одного из соратников Сталина⁴². Всё произошло в большой аудитории нашего здания, на втором этаже, где шла какая-то лекция. По-моему, лекция была по истории партии. Сидят, значит, в аудитории больше сотни студентов. Лектор читает лекцию. Вдруг, двери открываются, входит целая компания студентов, разодетая в русские рубахи, вышитые косоворотки, в лаптях, с квасом, с гусями, гусиными перьями, с какими-то песнями под русскую старину. В общем, сорвали лекцию в день смерти Кирова, выступили самостийно, будучи формально комсомольцами. В общем, эту «акцию» можно было оценить как хулиганство. Но партийные органы дали ей резко негативную политическую, идеологическую оценку. В это время в университете оказался некий Давидян, очень активный такой, строго проводящий «линию партии» корреспондент газеты «Комсомольская правда». По горячим следам он всё описал в нужном парторганам духе, после чего в «Комсомольской правде» появилась его «разгромная» статья о том, что произошло в Ленинградском университете. Называлась статья «Трое с гусиными перьями» (на самом деле студентов-«протестантов» было больше).

ВГ: И как это было подано?

БН: Ну, как это было подано? Это было подано как такой вызывающий, абсолютно неприемлемый в советском университете поступок с антипартийным

⁴⁰ Александров Александр Данилович (1912-1999). Математик, физик, философ. Членкор АН СССР (1946). Ректор ЛГУ в 1952-1964

⁴¹ Киров (Костриков) Сергей Миронович (1886-1934). Революционер, советский политический и государственный деятель. Член Политбюро ЦК ВКП(б) с 1930. Убит в Смольном 1 декабря 1934

⁴² Сталин (Джугашвили) Иосиф Виссарионович (1878-1953). Революционер, коммунист. Государственный лидер в СССР начала 1920 до начала 1950х. Один из вождей ВКП(б) и международного коммунистического движения. Объект культа личности

политическим подтекстом. У меня даже где-то эта статья сохранилась, но искать долго.

ВГ: Похоже, это был замаскированный, неявный протест. Поэтому важно напомнить, как его интерпретировали.

БН: Интерпретировали как наглый протест с антипартийным политическим содержанием. И началось разбирательство.

ВГ: Протест против партии?

БН: Ну, конечно, против партии! Как же иначе? Смерть Кирова – и ни с кем не согласованное вызывающее собрание. Сорвали лекцию по истории партии, и так далее. Оказывается, в это время в других вузах города тоже что-то подобное происходило. Поэтому, кроме меня, гоняли по «коврам», т.е. по партийным и комсомольским инстанциям, сразу нескольких комсомольских работников.

ВГ: Сильно гоняли?

БН: Конечно! Ругали за то, что мы «распустили» студентов, они ведут себя неподобающим образом, грозили исключить из комсомола. К счастью, дело кончилось только выговорами (было такое наказание, которое требовалось искупать «примерным поведением»), Но, разумеется, настроение было не из лучших.

ВГ: Выходит, комсомольская работа помешала Вам писать диссертацию?

БН: Ну, конечно! Потом уже, после этого события, в марте 1953 года умер Сталин. В результате всех этих событий я, как комсорг, на второй срок, конечно, не прошёл. Я неподходящий человек был. Видимо, где-то там в комсомольских списках остался, но на второй срок меня уже не переизбрали. В общем, я вернулся на факультет, настроение у меня было мрачное. После смерти Сталина в общежитии, где я жил, начались почти ежедневные горячие обсуждения положения в партии и стране. И мы как-то отвлеклись от всех диссертационных забот и дел. Короче, я не успел написать диссертацию в срок. Кончился срок аспирантуры, надо было как-то определяться и я, естественно, пошёл к Ефимову. А он в это время, по моему, был проректором университета по учебной работе. Он много должностей занимал: заведовал нашей кафедрой, был деканом восточного факультета – первым после реорганизации проректором, секретарем парткома университета. То есть, у него был большой круг всяких должностей. Я пошёл к нему на приём. Говорю: «К сожалению, я окончил аспирантуру без защиты. Вот, что-то у меня уже написано. Вы помните, я проходил лекционную практику по теме исследования... Что же мне делать?» Ефимов говорит: «Ставок (т.е. вакансий – БН) у нас сейчас пока нет. Надо ждать!» Я говорю: «Как? Мне надо жить на что-то, я же не могу сидеть на шее родителей». Он говорит: «Ну, я буду иметь, конечно, Вас в виду, я же Вас знаю. Вы – мой ученик». А мы как раз были его первым выпуском. «Но Вы посмотрите, по моему, что-то было у Иосифа Абгаровича», – говорит Ефимов. То есть, у Орбели⁴³, на том берегу Невы, в ЛО ИВ АН СССР. Вот я и пошёл к Орбели, на тот берег. Он был директором Ленинградского отделения Института востоковедения. Пришёл я к

⁴³ *Орбели Иосиф Абгарович* (1887-1961). Востоковед, академик АН СССР (1935), академик АН Армянской ССР и её первый президент (1943-1947). В 1934-1951 – директор Эрмитажа, заведовал Ленинградским отделением института народов Азии АН СССР (1956-1961)

нему на приём, объяснился. Он говорит: «Да, будет ставка, нужно только подождать».

ВГ: Сколько ждать – неизвестно?

БН: Нет. «Я, – говорит Орбели, – не могу сказать сейчас». И вот, началось моё хождение «на тот берег» каждую неделю, а то и два раза в неделю. Он всё записал про меня. Я уже ожидаю, что буду там в списке и в приказе о зачислении в МНС (мнс – младший научный сотрудник). Ходил я почти полгода, с сентября по декабрь, весь семестр ходил. Разговаривал с секретарём, все меня уже знали, я почти как свой там был. В декабре я, в конце концов, увидел приказ. Но не о себе, а о Володе Спирина – его зачисляли. Интересное кино! И всё, и больше мест нет! Я, конечно, отнюдь не против Володи Спирина был. Но меня обижало, почему уважаемый академик Орбели меня сначала обнадёжил, а потом – обманул. Позднее я понял некоторые причины такой ситуации. Тут сыграло роль не столько то, что я был «котом в мешке» для Иосифа Абгаровича, а, может быть, то, что я был учеником Ефимова. Они не ладили абсолютно, и даже если бы я был «семи пядей во лбу», Орбели всё равно, меня не взял бы на работу в свой институт... Он взял Володю Спирина. Почему? Потому что Володя, тоже отчасти ученик Ефимова, после окончания нашего факультета ушёл от нас в аспирантуру на философский факультет, и уже там он занимался древнекитайской философией. И, конечно, Орбели был нужен такой классик. А я что, современник-то? На фига? Ну, ладно, тема о тайных обществах тоже им была интересна, конечно. Но я же ещё и «ефимовец». Это совсем нехорошо!

ВГ: В кавычках «ефимовец»?

БН: Ну, да. Конечно, в кавычках!

ВГ: И что дальше было? Как Вы оказались в университете?

БН: Да, к Орбели я больше не пошёл. И с тех пор, конечно, по жизни обижен на Орбели, хотя знаком был и с его сыном. В Питере же мало народа в местном востоковедении было, несравнимо с Москвой, общение было тесное. В итоге, я опять побежал куда? К Ефимову, конечно. Рассказал: «Вот, такая история». Он выслушал так хмуро: «Ну, ладно, есть полставки». На этой «полставки» ассистентской я работал года полтора. Это тогда выражалось зарплатой в 52 рубля 50 копеек. Полставки ассистента без степени.

ВГ: А семья уже была у Вас тогда?

БН: Нет, семьи у меня, к счастью, не было. Семья у меня появилась только в 1960 году. Фактически я работал с сентября 1956 года. Весь 1-й семестр я вообще работал бесплатно. А оформили меня на эти полставки только с января 1957 года. Вот, так получилось. Пришёл на полставки. Что делать? Надо жить!

ВГ: И с тех пор Вы уже тут работаете больше 50 лет на этом месте. Завидное постоянство!

БН: Почти шестьдесят! 58-й год идёт, как работаю на этом месте. Но только я временами совмещал преподавательскую работу с административной или партийной. Был года три на освобождённой партийной работе, и шесть лет работал в ректорате. Сначала я был деканом общеуниверситетского деканата по работе с иностранными учащимися. Проректоров на этом направлении работы тогда не было (как, впрочем, и сейчас!). А в 1982 году ввели должность проректора по международным связям. В Москве меня утвердил на эту должность министр

высшего образования СССР Елютин⁴⁴. После этого ещё 2 года я работал на этой должности, совмещая административную работу с преподаванием (на полставки). Может, и больше бы я там проработал (мне отчасти даже нравилась эта работа, она расширяла мой международный кругозор. Но у меня не сложились отношения с тогдашним ректором университета. А им был Алесковский Валентин Борисович⁴⁵, пришлый у нас человек, «варяг». Он многих в университете как-то оттолкнул. Ветераны говорят, что при этом ректоре университет не разваливался не благодаря, а вопреки его руководителю.

ВГ: Понятно. Когда и как произошла Ваша первая, точнее, вторая со времён Бийска встреча с китайцами?

БН: Это так, первая встреча была в Бийске. Потом уже была встреча здесь. В Ленинградский университет приехали учиться первые группы студентов и аспирантов из КНР. По-моему, это случилось, когда мы были на 5-м курсе. Гигантская группа китайцев, по-моему, около 500 человек. Конечно, они приехали не на восточный факультет, что им тут изучать? До хинди, арабского и других языков стран Востока у Китая тогда очередь еще не дошла... Они приехали учиться геологии, биологии и другим естественнонаучным специальностям, либо овладевать марксизмом. Конечно, каждый из нас хотел как-то познакомиться, подружиться с китайцами, ведь мы чувствовали, что с языком-то – фигня. Поэтому почти каждый нашёл себе приятеля среди китайских ребят. У меня их несколько было. Я хорошо помню одного – Шао Ци-цюань. Он родом из Хэйлунцзяна был. Видимо, с детства общался с проживающими в Маньчжурии русскими, поэтому прилично владел русским разговорным. У нас учился на биологическом факультете. Так как мы проживали в одном общежитии, мы часто встречались, беседовали на разные, разрешённые для граждан КНР и нас темы, вместе ходили в кино, пили чай и т.д. В общем, подружился. Он мне в какой-то степени помогал в китайском, я поправлял его в русском. Думаю, что их спецслужбы разрешили это его знакомство... В то время мы уже съехали из общежития на востфак по Университетской набережной, дом 11, и жили на Мытнинской набережной, дом 6 (в обиходе – Мытня), в огромном здании напротив Стрелки Васильевского острова. Ныне это здание уже не наше, там отель какой-то. А тогда это было самое большое общежитие университета в центре города, в нём мы и жили. На занятия в университет ходили пешком, через Биржевой мост. Но вернемся к теме.

Вот с этим Шао Ци-цюанем случилось однажды «трагическое событие». Он был крепкий такой, мускулистый парень. Но однажды заболел, видимо, подхватил грипп. А инфекция всегда тяжело действует на непривычный к болезням организм. У него поднялась температура до 40 градусов, вызвали врача. Короче, сам он уже решил, что почти умирает. И когда ему стало совсем плохо, он попросил через общего знакомого, чтобы я зашёл к нему в комнату. Я зашёл. Оказалось, что я у

⁴⁴ Елютин Вячеслав Петрович (1907-1993). Российский учёный-металлург, членкорр. АН СССР (с 1962). С 1954 министр высшего образования СССР. В 1959-85 министр высшего и среднего специального образования СССР

⁴⁵ Алесковский Валентин Борисович (1912-2006). Химик, д.х.н., профессор, членкор АН СССР (1972). Ректор ЛГУ (1975-1985)

него как бы «душеприказчиком» выступил. Он говорит: «Я хочу большую тайну открыть тебе.» А я засмутился и говорю:

– Зачем? Твоя тайна пусть с тобой остаётся!

– Нет, я вот умираю...

– Да не умираешь ты, просто заболел!

– Нет, – говорит, – чувствую, что умираю, потому хочу эту тайну раскрыть.

– Ну, – я говорю, – Слушаю тебя.

– Я на самом деле не ханец, я – маньчжур...

Понимаешь, для меня это, вроде бы, совсем не страшно – ну, маньчжур так маньчжур! Ведь не так же сложно, как еврею у нас, в СССР... А для него-то, оказывается, это было нечто подобное, дискриминационное! «Так вот как у них, в КНР!» – невольно подумал я. А он продолжал:

– Я должен это кому-то сказать. Тебе я доверяю. Только ты знай это, но никому не говори!..

Он выздоровел, конечно. Но потом мы на эту тему никогда не говорили. А когда я побывал в Китае в первый раз, в 1962-1963 годах, я его нашёл. Это было ещё до «культурной революции». Я его нашёл в Пекине, где он работал в каком-то биологическом учреждении. В общем, у него было всё нормально. Но поскольку он ранее учился в Советском Союзе, то, конечно, во время «культурной революции» пострадал, как и ещё один мой китайский друг.

ВГ: У Вас был ещё один китайский друг?

БН: Да. Вообще-то у меня в начале 1950-х гг. было немало хороших знакомых и друзей из китайцев, которые в то время учились и временно проживали в Ленинграде. Так, мне довелось быть знакомым с членами семьи покойного маршала Фэн Юй-сяна⁴⁶, трагически погибшего на пути из Канады в СССР в 1948 году. Ну, во-первых, это две его дочери, которые учились здесь в мединституте, и его зять, муж старшей из дочерей, аспирант экономического факультета университета. Знакомили меня и с вдовой маршала – Ли Дэ-цюань (первый министр здравоохранения КНР), когда она приезжала в Ленинград к дочерям. Конечно, с дочерьми маршала я был только знаком, встречались на разных мероприятиях и пару раз в более узких кампаниях. Всё же это были молодые женщины... А вот с зятем Фэна – Ло Юань-цзэном по-настоящему дружил. Мы довольно часто встречались у нас в общежитии, иногда вместе ходили в столовую и даже на стадион, на спортивные мероприятия. По окончании аспирантуры Ло подарил мне свою книгу, посвященную развитию промышленности, индустриализации в КНР. Это была его кандидатская диссертация, опубликованная университетским издательством... Никак нельзя не упомянуть и ещё одного моего

⁴⁶ *Фэн Юй-сян* (1882-1948). Крупный военачальник и политический деятель, маршал Китайской республики с 1927. Погиб с дочерью 4 сентября 1948 при переезде из США в СССР, на Чёрном море, недалеко от Ялты, из-за пожара («несчастный случай при возгорании киноплёнки») на пассажирском судне «Победа». Возможно, стал жертвой диверсии. Гроб с его телом был отправлен для кремации в Москву. В 1953 власти КНР торжественно перезахоронили останки маршала в Китае, у священной г. Тайшань в провинции Шаньдун.

китайского друга – Чжан И-дуна. Он учился здесь почти 8 лет – 5 лет как студент и без малого 3 года как аспирант. К сожалению, защитить диссертацию, практически уже готовую, ему не дали – отозвали перед «культурной революцией» в Китае, как и других обучавшихся в СССР китайцев. Чжан И-дун был пекинец, из интеллигентной семьи. Вот он, действительно, был «ботаником», всё время сидел в библиотеках, всё изучал досконально. Человек очень способный, можно сказать, талантливый. Настоящий полиглот! Очень хорошо знал английский и русский языки и уверял, что изучил их в основном здесь, в СССР, в университете. Читал по-французски и по-японски. Историк-медиевист, он в аспирантуре исследовал тему: «Китай и Великие географические открытия». Это очень интересная тема! И мы тоже были увлечены его темой, и вместе искали свежие, интересные факты (в какое-то время этой темой заинтересовался также В.А.Вельгус, который позднее посвятил близкой к теме Чжан И-дуна проблематике свою кандидатскую диссертацию и ряд других публикаций). А с Чжаном мы даже жили вместе целый год в одной комнате, и он тоже помогал нам в китайском. Дружили мы, он помогал мне и в поисках литературы о китайских тайных обществах: до поры до времени ему кое-что присылали с оказией из Пекина. Однако дальнейшая его судьба в Китае, конечно, страшно тяжёлая, трагическая... После возвращения в Китай ему как «заражённому советской ревизионистской идеологией» было отказано работать в науке или преподавать в университете. Высококвалифицированный специалист-историк, он вынужден был заниматься далёкой от его специальности работой, всё время находился под надзором спецорганов. А с началом «культурной революции» вообще был арестован и заключён в тюрьму, где его держали на основе решения парткома (!) более 5 лет, после чего ещё на несколько лет перевели в какой-то лагерь по перевоспитанию, очевидно, полагая, что в тюрьме он ещё «недоперевоспитался», не «искупил вины» за то, что «учился на отлично у советских ревизионистов-врагов китайского народа». Наконец, после, так сказать, освобождения, ему было отказано в праве жить и работать в Пекине, где проживали его пожилые родители. Направили в какой-то захолустный уездный городок под Цицикаром (провинция Хэйлунцзян, Маньчжурия), где он преподавал в средней школе английский язык. Потом, когда режим в Китае несколько смягчился, Чжан сумел перевестись в какой-то маленький провинциальный педагогический институт в той же провинции Хэйлунцзян. Там женился и, в конечном счёте, как только появилась возможность, уехал с семьёй в США. Видимо, уже на всю жизнь утратил доверие к партии и народной власти в КНР. Он сейчас живет в городе Филадельфия, штат Пенсильвания. Моему китайскому другу уже перевалило за 80 лет, после всех перенесённых тягот здоровье неважное. Мы с ним переписываемся по электронной почте. Адрес я узнал от его брата, который приезжал в Петербург из Китая как турист и нашёл меня. Этим летом Чжан И-дун собирался даже приехать ко мне в гости, но, увы, здоровье подвело... Он написал книгу о своей жизни, которая уже, якобы, издана на китайском и английском языках в США (я, к сожалению, её ещё не видел, знаю о содержании только по письмам Чжана). Сейчас он сам переводит текст на русский язык, очень хочет издать книгу у нас, в России. Но, думаю, что ошибок будет много, потому что русский язык он как раз изрядно подзабыл. Ну, что ж, окажем посильную помощь, когда потребуется. А тема для нашего читателя небезынтересная: ведь трагизм

китайской жизни Чжан И-дуна и уникален и одновременно типичен для многих людей в условиях тоталитарного режима. Такая вот жизненная история!

ВГ: Теперь, наверно, уместно спросить, как прошло Ваше первое свидание с Китаем? Ведь это же, наверно, долгожданное событие было?

БН: Разумеется! Видимо, я мог бы поехать в Китай раньше, потому что целый ряд людей с нашего факультета поехал туда уже в 1958 году. Но у меня были все эти проблемы с работой. Я только что начинал работать ассистентом, следовало какую-то наработку всё-таки сделать, какие-то первые курсы подготовить. Кстати, я начал читать, знаете что? Не Китай! У Ефимова была в учебной программе «лакуна» – Тибет. И я начал преподавательскую работу с того, что стал читать историю Тибета. Он сказал, что Китай будет потом, но нужно начать с Тибета. Конечно, это было очень тяжело! Слава Богу, у меня был друг-однокурсник Регби Пубаев⁴⁷. Он-то и помогал мне этот первый курс составить. Позднее он – доктор исторических наук, работал в Улан-Удэ, успешно переводил тибетскую историческую классику. Уже умер, к сожалению.

ВГ: Он помогал Вам с информацией, с материалами?

БН: Ну да, что-то давал. Иначе я, наверно, как котёнок утонул бы здесь. Причём пришёл в группу, а там были в то время студенты практически моего возраста. Ну, очень сложно всё.

ВГ: Понятно. В общем, нужно было закрепиться в университете, поэтому Вы не могли сразу поехать в Китай.

БН: Конечно, меня никто бы и не пустил уехать. Ты сначала заслужи! Поэтому другие ребята уехали раньше. Скажем, тот же Мельниченко⁴⁸ уехал раньше, и он на 4 года уехал. Так сказать, «встроенный» в китайскую систему вариант учёбы. Ну, а я поехал только в 1962 году, с группой наших же студентов. Это было уже тяжёлое время, и нас «крутили-вертели» в министерстве и на Старой площади.⁴⁹

ВГ: Инструктировали?

БН: Не просто инструктировали, рентгеном высвечивали!

ВГ: То есть, проверяли очень строго?

БН: Конечно, конечно! Потому что уже, действительно, тяжёлая там ситуация была. И когда я там оказался, я понял, что отбор нужен был, это несомненно.

ВГ: На какой срок Вас послали?

БН: На 10 месяцев. Это была обычная стажировка, один учебный год. Но нас немножко позже послали. Мы поехали где-то в октябре. Я помню, что мы прибыли в Китай в первых числах ноября. И вот, когда мы приехали туда, как раз разгорелась Гималайская война. Об этой войне у нас ведь ничего не писали практически.

⁴⁷ Пубаев Регби Ешиевич (1928-1991). Востоковед, тибетолог, буддолог. Окончил монгольское отделение востфака ЛГУ (1952). Специалист по истории Тибета

⁴⁸ Мельниченко Борис Николаевич (1935 г.р.). Востоковед, буддолог, д.и.н.(1993), исследователь Юго-Восточной Азии. Преподаватель ЛГУ (с 1961), профессор СПбГУ (1996). Окончил истфак Пекинского университета (1961), востфак ЛГУ (1962)

⁴⁹ Старая площадь – подразумевается ЦК КПСС, т.к. здание ЦК КПСС находилось на Старой площади в Москве

ВГ: Война с Индией?

БН: Ну, да, Гималайская война, мы так её называли. У нас там были тайландцы, которые имели хорошие радиоприёмники. Ловили передачи на английском либо из Японии, либо с Тайваня. Слушали, что происходит там, в Гималаях.

Когда мы приехали в Пекинский университет, то выяснилось, что в Китае всего лишь 16 советских студентов. Из них, по-моему, 14 человек в Бэйда – Пекинском университете, и ещё двое находились в Жэньда – Народном университете⁵⁰. И всё! Больше из советских вузов во всем Китае никого! (Позже я стал свидетелем того, как даже высокие китайские руководители при встрече с нами были искренне удивлены, что мы ещё вообще есть в Китае!). В посольстве меня назначили старостой всей этой группы из 16 человек: как же – постарше большинства других, член партии и с немалым опытом общественной работы. Из группы наших советских «люсюэшэнов» назову ленинградцев С.Е. Яхонтова (о нём уже говорилось), Иру Макарову (впоследствии преподаватель китайского языка специализированной школы № 652, жена Н.А. Спешнева – Ирина Леонидовна Спешнева), Юру Шикина (позднее ушёл из китаеведения). Из москвичей были Сергей Торопцев (ныне С.А. Торопцев – известный ученый, специалист по современной китайской культуре, в частности кино), Лариса Померанцева (в дальнейшем Л.Е. Померанцева – преподаватель ИСАА при МГУ, китаист-литературовед), Наташа Занегина (дочь известного китаевода и международника Б.Н. Занегина; впоследствии уехала на жительство за рубеж), Эдик Папаян (впоследствии длительное время работал представителем всесоюзного радио в КНР), Боря Надточенко (Надточенко Б.Я. – китаевед-лингвист и переводчик) и другие. Среди нас было и несколько ребят из Ташкента, из них выделялись узбек Рустам Асланов (в дальнейшем видный специалист по истории и современному состоянию КПК, замдиректора ИДВ РАН) и казашка Клара Хафизова (ныне К.Ш. Хафизова – видный специалист Казахстана по Китаю и международным отношениям в Центральной Азии). В Бэйда в то время было множество албанцев (с Албанией тогдашнее руководство КНР «обозначало» особую дружбу), которые там вообще бездельничали. Ничего не делали, лишь бы только нам что-то доказать, подколоть СССР. Затем было довольно много африканцев из Камеруна, Ганы и других стран Африки. Были ребята из МНР, северные корейцы, но очень мало, как я помню.

ВГ: Из Восточной Европы были студенты?

БН: Из Восточной Европы были болгары, поляки, румыны и пара немцев из ГДР.

ВГ: Кого Вы помните из поляков, немцев? Кто-то запомнился?

БН: Да, был один поляк, которого звали Януш, фамилию, к сожалению, я запамятовал. Насколько мне известно, позднее, когда мы уже уехали из Китая, он покончил с собой. По слухам, причиной была несчастная любовь, но не исключен и политический подтекст. Он очень талантливый был китаист. Сергей Евгеньевич Яхонтов должен его помнить лучше, он с ним ближе был. Мы же с Сергеем Евгеньевичем бок о бок жили в Бэйда, вместе в «чжайюань» номер шестнадцать. Эти старые общежития стояли недалеко от университетских ворот. Мы жили в этих

⁵⁰ *Бэйда* – сокращённое название Пекинского университета. *Жэньда* – сокращённое название Народного университета

общежитиях, и комнаты у нас были рядом, на одном этаже. А между комнатами было маленькое окошечко, как бы «глазок», и его закрывать-открывать можно было.

ВГ: Прямо в стене между комнатами?

БН: Да. Это как в лицее у Пушкина, где за ними подглядывал камердинер. А здесь отверстия между комнатами были. Мы очень удивлялись, но это нам нравилось, потому что я встану рано и кричу Яхонтову, что пора вставать. Я каждый раз вставал первым, а он любил поспать. Иногда купишь что-нибудь и передашь ему через это окошко, не выходя за дверь. Мы как бы в одной комнате жили, но фактически были в разных. Нас это устраивало.

ВГ: А с иностранными студентами Вы общались?

БН: Общались, конечно.

ВГ: Каким это было общение – активным, пассивным, дружественным?

БН: Прежде всего, к нам очень хорошо относились югославы. Там были сербы. Это были люди, которые приехали раньше, намного раньше. Мне кажется, что они где-то уже были в Китае, приехали туда ещё до 1948 года, до размежевания Сталина с Тито⁵¹. Но, может, я ошибаюсь, хотя такую версию слышал. Во всяком случае, эти ребята – девушки и парни – очень тепло к нам относились, просто очень тепло! Я думаю (это моё предположение, а не факт), что этим молодым людям была когда-то поставлена дилемма такая: либо езжайте домой, либо оставайтесь здесь. Ну, а поскольку они были коммунистически ортодоксально подготовлены, они не признали сомнительные, с «правильной» точки зрения, нововведения Тито и остались в Китае как в коммунистическом государстве. С нами они очень дружили. Кроме югославов, как я уже сказал, были болгары и поляки. Эта группа также с нами регулярно общалась.

ВГ: Вы свободно общались, да, там?

БН: Мы свободно общались. Когда приходил кто-то извне, вот тут уже было сложнее. Тогда настораживалась охрана. К нам был прикреплен китаец (конечно, это был *гунаньцзюй* – госбезопасность), очень хорошо говоривший по-русски. Звали его Кэ Гао. Он был в постоянном контакте с нами, для маскировки нередко болтал всякую чепуху и почти беспричинно смеялся. Почему-то не раз упоминал в весьма благожелательном ключе М.В. Крюкова⁵², который стажировался в Бэйда чуть раньше нас. Надо полагать, Михаил Васильевич произвел на этого китайского гэбэшника особо сильное впечатление. Он давно, видимо, работал, опекал советских студентов. Кэ Гао, как говорили, был легендарной личностью. Но на меня он слабое впечатление произвёл. Видимо, был уже «на излёте». А

⁵¹ *Тито, Иосип Броз* (1892-1980). Лидер Югославии с конца 2-й Мировой войны до своей смерти. Маршал (1945-1980), президент страны (с 1953)

⁵² *Крюков Михаил Васильевич* (1932 г.р.). Китаевед-историк, этнолог. Д.и.н. (1972), профессор. Окончил МГИМО МИД СССР (1955), Пекинский университет (1962). Академик Европейской Академии, почётный член Британского королевского антропологического института. Научный сотрудник ИВ АН СССР (1955-1957), института этнографии (с 1962), ИДВ РАН (с 2002). Профессор Тамканского университета (Тайвань, 1993-2002)

предыдущие поколения наших стажеров – Мельниченко и Ко, все восклицали: «О, Кэ Гао!», имея в виду, видимо, хитрость и изворотливость этого человека. Он всё время опекал и нас, так сказать, в дружеском порядке. Но и, конечно, изучал каждого. А поскольку я был старостой, то меня часто вызывали в советское посольство для всякого инструктажа. Ситуация очень была напряжённая во многих отношениях. Во-первых, и материальное положение китайцев было ещё очень тяжелое. Ещё сказывался голод. Например, мы видели, как студенты Бэйда срывали листья с определенных деревьев в парке и укладывали в повозки. Мы думали, что они эти листья везут на свалку. Но нет, их везли на пищеблок, надо полагать, как-то шли эти листья в пищу...

Был у меня помощник-аспирант - *фудао*, Цай Шао-цин, который должен был помогать мне в библиотеке, оказывать другую организационную помощь. Однажды я пригласил его в гости к себе в комнату. Из СССР я привёз мёд, икру – русские угощенья. Я не знал тогда, что китайцы, в частности, с икрой не дружат. Но дело было даже не в этом. Я приготовил хороший чай, выставил все угощения на стол. Приходит Цай, мнётся, присел. Я говорю: «Ну, давай, угощайся!» Он по-русски немножко говорил, очень плохо, но понимал. Я даю ему чай для заварки в китайскую кружку, а он чай не берёт. Я говорю: «Почему ты не хочешь пить?» Он отвечает: «Это – лекарство». Я вообще ничего не понял. Он говорит: «Хочу только кипятка, а это – лекарство.» А, увидев мёд, он вообще испугался, руками машет, как будто нечистую силу отгоняет... Короче, пил только воду кипячённую, кайшуй, ничего не брал. Потом я понял, что это далеко не просто стеснительность. У него уже рефлекс на пищу был, выработанный длительным недоеданием. Семья у него жила в Нанкине, он уже был женат, хотя и моложе меня (мне тогда уже 33 года было, «возраст Христа», и сыну два годика...). Итак, он жил и работал здесь, в Пекине. И только 2 раза в год получал разрешение на встречу с женой: или он на неделю выезжал в Нанкин, или она приезжала в Пекин. Своего рода отпуск... А вообще, в то время Пекин очень мрачную картину представлял. Особенно зимой. Мрачный, серый. Люди – какие-то угрюмые, неприветливые. Понятно, на голодный желудок не очень-то порадуешься! Одеты, как один, в потёртые х/б френчи и брюки, на ногах и в зимнее время – матерчатые тапочки. А зима в тот год выдалась весьма холодная, ветреная, пыльная. Все ходили в марлевых повязках. Когда выходишь в город, там нечего перекусить. Только весной появились первые коммерческие «забегаловки», где можно было поесть лапши, ещё чего-то, но это было позже. А когда мы только приехали, вообще – «голый» город. Только позже стали продавать чай на улицах. Сидит человек на низенькой лавочке. У него кипяtilьник большой, и написано: «Капитал– 10 юаней» (обозначение вложенного в это «предприятие» капитала 資本 – 十元 – БН). Вот. Это уже, значит, первый торговец времён Лю Шао-ци⁵³. У этого «капиталиста» несколько скамеечек,

⁵³ Лю Шао-ци 劉少奇 (1898-1969, м.р. Хунань). Государственный и партийный лидер КНР. Изучал русский язык, в 1921 учился в КУТВ в Москве. Член ЦК КПК (1927). Политкомиссар 4-й армии, член секретариата ЦК КПК (1932-1942). Председатель ПК ВСНП (1954-1959). Официально назван наследником Мао Цзэ-дуна. Поддержал «большой скачок», но затем выступил за постепенность экономического развития. В 1967 в осуждён прессе КНР как «самое большое лицо

чашечки. Подходишь, он тебе заваривает чай. И мы даже этому радовались, потому что холодно зимой. Потом, ближе к весне, начали продавать в разнос большую редиску (лобо). Пекинцы тогда этот корнеплод вместо мороженого (бинкуар) ели. Идёт, жуёт, плюёт. Вот так было.

ВГ: Ну, а вас-то как кормили, студентов-иностранцев?

БН: Нас кормили доброкачественно, но однообразно: свинина, свинина...

ВГ: Рис?

БН: Рис, свинина, рис...

ВГ: Овощи были?

БН: Мало. Нет, можно было жить вполне, даже выбор был, но...

ВГ: Но, всё-таки, было мясо, был рис.

БН: Да нам картошки хотелось просто до... а её не было. Иногда рыба бывала. В общем, питались мы нормально, даже белый хлеб у нас там был. Сладкие какие-то вещи были. И всё это можно было есть. Но Китай-то голодал, люди в массе недоедали. Я это видел своими глазами. Ведь тогда по «фань пяо» очень мало продуктов получали!

ВГ: «Фань пяо» – продуктовые талоны?

БН: Да-да. В районе Хайдянь, около Бэйда был продуктовый магазинчик. Вокруг люди жили разные. Обслуживающий персонал университета и другие. Однажды выходит из магазина женщина с маленькой девочкой. Одной рукой девочку ведёт, и тут же у неё маленькая сумочка. А в другой руке – травинка. Они вместо верёвочки использовали какое-то тонкое растение, как лиана. А на конце лианы висит маленький кусочек мяса. Как для кошки. Это самое мясо она получила по карточке.

ВГ: Получила по карточке маленький кусочек мяса?

БН: Да. Я это запомнил, просто в глазах у меня стоит. Так жалко стало людей, невероятно! Жутко!

ВГ: Какое впечатление осталось от момента Вашего первого пересечения границы Китая? Вы ехали туда на поезде?

БН: Поездом ехали от Москвы до Забайкальска, через всю страну, с перестановкой колёс для более узкой колеи на границе с Китаем. Ты знаешь, для меня это вообще первая поездка за рубеж была.

ВГ: Первая за граница?

БН: Да!

ВГ: Поэтому, наверно, это было особое событие.

БН: Да, и поэтому голова была полна всякими вещами. Что запомнилось? Запомнилось, что долго переставляли оси. И всё время вдоль поезда ходили таможенники-пограничники – сначала наши, а потом китайские. И как только мы оказались на первой китайской станции Маньчжоули, мы побежали в магазин. Это тоже было одно из первых впечатлений. В магазине все товары были не наши, китайские. А у нас-то и юаней не было. Правда, какое-то количество товаров

в партии, облечённое властью и идущее по капиталистическому пути», «китайский Хрущев». В 1968 обвинён в «контрреволюционной деятельности», изгнан из партии, смещён со всех постов. Арестован и умер в 1969 в тюрьме г. Кайфэн. Реабилитирован в 1980

давали за рубли. Магазин был другой, продавцы – другие. Все они, хоть и ломано, но говорили по-русски.

ВГ: Вы купили хоть что-то в этом магазине для себя?

БН: Что-то я купил из китайской еды, в баночке какой-то. И Серёжа Яхонтов что-то себе купил тоже. Потом мы ели в вагоне-ресторане, уже с китайской «начинкой», когда ехали через Хэйлунцзян.

ВГ: Ехали и думали: «Я – за границей!» Так это было?

БН: Нет, ты понимаешь, Валь, не за границей! Даже мыслей не было о том, что за границей. Все прилипали к окнам и думали: «Я – в Китае!».

ВГ: Это было радостное ощущение? Ведь столько лет изучения этому предшествовало?

БН: Это, действительно, было радостное ощущение! Наконец-то! Наконец-то, да! Ведь шел уже 15-й год с того времени, как я стал заниматься Китаем. Это порядочно, правда? И это первое соприкосновение – оно, конечно, очень впечатляющее! Помню, что меня поразило на маньчжурском участке дороги из окон вагона: тёмная, совершенно без снега, уже смерзающаяся в предзимок почва и реки со сверкающим на солнце чистым льдом, по которому местные жители волокли нагруженные чем-то санки, охапки хвороста (дрова?) и другие нужные, но тяжёлые вещи. Я ещё подумал: «Вот это «зимник»! (т.е. зимняя дорога. – БН). А для конькобежцев-то какое раздолье! Катись на коньках десятки, а то и сотни километров!»

ВГ: За те 10 месяцев, которые Вы там пробыли, изменилось ли это радостное ощущение?

БН: В Китае было много приятных, даже радостных «открытий», но и огорчений тоже оказалось немало. Хоть я всё-таки и подготовленный был идейно-политически, но, всё равно, никак не мог понять, почему они относятся к нам вот так, как к недругам! Что делить-то нам? Смотрите, ведь вам самим нечего есть! И мы тоже – не американские миллионеры! А злоба, ненависть не напитают! Я тебе скажу следующее: простые китайцы (мелкие торговцы, уборщики-подметалы, чернорабочие из деревень и др.) в отношении к *суляням*, к советским людям по сути не изменились. Они, всё равно, как увидят нас, пытаются произнести запомнившиеся русские слова, улыбаются. С ними можно было нормально общаться. А если человек прикреплен к какому-то официальному месту, к какому-то учреждению или предприятию-*даньвэю* – это всё, отношение к нам уже совсем другое, можно сказать, враждебное. В посольстве по приезду в Пекин нам сказали так – по одному не гулять, только двое-трое. Лучше даже ходить большой группой. Где нельзя, никоим образом не фотографировать. При любых случаях вести себя сдержанно и дисциплинированно, так сказать, на провокации не поддаваться. У нас был такой случай с ныне уже покойным Рустамом Аслановым,⁵⁴ который впоследствии долго работал заместителем директора ИДВ. Так вот, однажды он на Тяньаньмэнь попытался снять памятник Борцам революции. А в это время на

⁵⁴ *Асланов Рустам Мамедович* (1937-2009). Китаевед, Окончил ТашГУ (1962). Стажировался в Пекинском университете (1962-1963, 1988-1989), Наньянском университете (Сингапур, 1968-1969). Научн. сотр. ИДВ АН СССР (с 1976). Ведущий науч. сотр., замдиректора ИДВ РАН

ступеньках стояли два солдата НОАК, *цзефанцзюнь*. Как только он навёл фотоаппарат, оба солдата, видимо, увидев это, буквально покатались по ступенькам вниз. Однако он всё же нажал затвор. И тут, как из-под земли появившийся, сзади подошёл полицейский и сказал: «Снимать запрещается». Рустама повели в участок, проявили ему там плёнку. И когда увидели, что *цзефанцзюни* попали в кадр катящимися вниз по ступеням пьедестала памятника, это ещё хуже было. Рустама задержали в полицейском участке, стали выяснять в университете и посольстве его личность и т.д. В общем, целый скандал! Были вот такие случаи. Иногда идёшь где-то по городу. Мимо проходят молодые люди – или студенты, или рабочие. Все одеты одинаково, по лицам не узнаешь, кто – интеллигент, кто – рабочий, и откуда он. И вот, начинает: «А, *сулянь сючжэнчжучжэ* (советские ревизионисты)! Тьфу!» Ну да, взял и плюнул. Противно было! Это – в Пекине. Пекин, я так понял, был действительно такой вот чиновничий город, где каждый был привязан к какому-то ведомству, и поэтому старался выслужиться, «провести» линию партии, особенно в присутствии сослуживцев. Из жизни в Пекине в 1962-1963 годах стоит вспомнить ещё одно особенное событие – мою короткую встречу с Чжоу Энь-лаем.

Вообще-то, наверно, немало наших китаистов старшего поколения, особенно московских, в разное время и при разных обстоятельствах (на каких-нибудь мероприятиях, официальных приёмах и др.) имели мимолётные встречи с кем-либо из высших руководителей КНР. Но в моём случае следует прежде всего учесть особенности советско-китайских отношений в ту пору. То было время, когда эти отношения резко ухудшались, переходя в конфронтацию сначала по межпартийной линии (КПСС – КПК), а затем и по межгосударственным вопросам. Сократились все виды двусторонних контактов, стороны активно «фехтовали» друг с другом, обменивались грубо-критическими выпадами в прессе и других СМИ. Нарастала обоюдная пропагандистская враждебность и т.п. В этих условиях Посольство СССР в Пекине стало избегать многих прежних контактов с китайской стороной. Разумеется, это было рекомендовано из Москвы и объяснялось, во-первых, стремлением нашего руководства продемонстрировать общее негативное отношение к политике тогдашних лидеров КНР. А, во-вторых, напротив, чтобы в условиях нарастания конфронтации избежать возможных излишних инцидентов с китайской стороной. Такова была ситуация. И вот, в апреле 1963 года МИД КНР прислал в иностранные посольства в Пекине приглашения для официальных лиц и «представителей народа» данной страны в указанный день и час (как помнится, 18 апреля) посетить Дворец ВСНП на площади Тяньаньмэнь и принять участие в торжественном собрании, посвященном 8-й годовщине международной конференции в Бандунге⁵⁵. Хотя дата, которую предстояло отмечать, не являлась

⁵⁵ *Бандунгская конференция* – конференция глав 29 стран Азии и Африки в апреле 1955 в г. Бандунг, Индонезия. Инициаторы – индонезийский президент Сукарно и лидеры других азиатских стран-участниц Движения неприсоединения (т.н. «группа Коломбо»: Индия, Бирма /Мьянма/, Пакистан и Цейлон /Шри-Ланка/). В работе активно участвовали делегаты из КНР во главе с Чжоу Энь-лаем. СССР в Бандунг приглашён не был. Целью конференции было создание блока афро-азиатских стран, направленного против колониализма и империализма. Основой заявленной в

«круглой», юбилейной, однако, по моим последующим наблюдениям об уровне участников собрания с китайской стороны, руководство КНР придавало этому мероприятию весьма серьёзное значение. Это и понятно. Весной 1963 года «горькое послевкусие» от вооруженного пограничного конфликта между Китаем и Индией конца предыдущего, 1962 года, было ещё достаточно сильным, и Пекину явно требовалось для «сохранения лица» ослабить международное впечатление о КНР как стране-нарушителе бандунгских 5 принципов мирного сосуществования. Убеждён, что это была основная цель столь представительного и торжественного собрания во дворце ВСНП. Наше посольство однозначно решило отказаться от присутствия на китайском мероприятии каких-либо официальных советских представителей. Но полностью бойкотировать собрание, видимо, сочли неправильным. Как мне объяснили позднее, при принятии окончательного решения глубокоуважаемые дипломаты учли одну особенность тогдашнего китайского подхода к нашей стране. Дело в том, что уже в то время, учитывая начавшееся ухудшение официальных отношений с СССР и другими социалистическими странами, руководство КНР стало уделять особое внимание «народной дипломатии», с целью оказать благоприятное воздействие на зарубежную общественность. Демонстрируя всё более негативную позицию в отношении КПСС и государственной власти СССР и его союзников, как «носителей ревизионизма», китайская пропаганда одновременно всячески подчёркивала неизменность самого дружественного отношения Китая к трудящимся мира, в первую очередь, к народам стран социализма. Так, например, рядовые, отнюдь не правительственные делегации из СССР и других соцстран по прибытию в Пекин нередко принимались первыми лицами КНР. Китайские руководители явно исходили из установки, что «люди из общественности» (работники науки, культуры, искусства, СМИ и др.) способны оказать сопоставимое с представителями политической элиты влияние на политику своих стран. Для меня же эта китайская «стратагема» обернулась следующим: в конечном счёте, в посольстве решили послать представлять Советский Союз на международном мероприятии во Дворце ВСНП меня одного! Однако из других стран, социалистических и несоциалистических, не менее двух десятков «простых людей» тоже отправились из Бэйда на Тяньаньмэнь в специальном университетском автобусе. Конечно, были здесь прежде всего албанцы, несколько африканцев, северных корейцев, трое студентов из МНР, ещё кто-то. А я – один-одинёшенек! Вот и «прилепился» к монголам, как самым «родным»...

ВГ: Как проходило это собрание?

БН: Официальная часть собрания проходила в огромном зале заседаний ВСНП, и этот зал-амфитеатр был достаточно заполнен присутствующими. Среди них было немало людей старшего возраста, явно дипломатических работников из посольств

Бандунге модели международных отношений были названы выработанные в 1954 Дж. Неру и Чжоу Энь-лаем «Пять принципов мирного сосуществования» (взаимное уважение территориальной целостности и суверенитета; ненападение; невмешательство во внутренние дела друг друга; равенство и взаимная выгода; мирное сосуществование), которые потом вошли во многие международные документы в качестве модели отношений между разными государствами

разных стран. Конечно, наших дипломатов не было. От нашей великой страны я один. В президиуме (как удалось «идентифицировать» самому, плюс кое-кого подсказали окружающие) было довольно богато представлено государственное и партийное руководство, военные, известные люди КНР, зарубежные гости. Ну, перечислю хотя бы тех, кого удалось «опознать» и запомнить. Это, прежде всего, премьер Госсовета Чжоу Энь-лай, который произнес краткое вступительное слово. Далее, это маршалы Хэ Лун⁵⁶ (с усиками) и вполне узнаваемый Чэнь И, в то время – министр иностранных дел КНР, который вёл собрание, представлял выступавших. Партийную элиту представляли члены Политбюро ЦК КПК Ян Шан-кунь (в то время курировавший иностранные дела), Пэн Чжэнь (секретарь парткома и глава правительства Пекина) и Лу Дин-и (тогда – секретарь ЦК КПК и заведующий отделом пропаганды ЦК КПК). Из общественных деятелей я без особого труда опознал Го Мо-жо⁵⁷ – Президента АН КНР, известного ученого-историка, драматурга и поэта. Мои соседи по залу называли ещё нескольких известных им лиц, но я, к сожалению, или не расслышал, или не запомнил их имена. Однако уже по приведенному перечню членов Президиума можно вполне обоснованно судить о том политическом значении, которое придавалось мероприятию, посвященному рядовой годовщине Бандунга.

Прозвучавшие выступления были посвящены в основном прославлению «великих успехов» Китая под руководством КПК и лично Председателя Мао в строительстве социализма и миролюбивой внешней политике. Бандунгская конференция упоминалась лишь как международный триумф Китая, за которым единодушно следуют все страны Азии и Африки. В каждой речи обязательно звучала критика политики «современных ревизионистов», под которыми разумелись, конечно, руководители КПСС и СССР. После окончания официальной части все присутствующие на собрании были приглашены на банкет в другой, один из соседних, зал. Я, как уже говорил, чтобы не остаться в полном одиночестве, «приткнулся» к друзьям-монголам, стоял с бокалом вина вместе с ними. Члены Президиума (Чжоу Энь-лай, Чэнь И и другие), согласно протоколу, начали обходить банкетный зал, приветствуя гостей и чокаясь с ними бокалами с вином.

⁵⁶ Хэ Лун 贺龙 (1896-1967(9-?)). Революционер, один из 20 командиров Национально-революционной армии. Член КПК (1927). Один из создателей Красной армии, участник *Великого похода* в г. Яньян (1935-1936). В 1937-1945 командовал 120-й пехотной дивизией 8-й НРА. Внёс важный вклад в победу коммунистов в гражданской войне 1947-1949. Участник 1-й сессии ВСНП, зампред Госсовета, зампред Комиссии по национальной обороне. Маршал (с 1955). Член ПБ ЦК КПК (с 1956). В 1966 снят со всех постов и исключён из КПК за «антипартийную деятельность». Реабилитирован в 1980

⁵⁷ Го Мо-жо 郭沫若 (1892-1978). Ученый-историк, археолог, писатель, поэт, драматург, общественный и государственный деятель. Член КПК с 1927. В годы Войны сопротивления Японии выступал (1937-1945) за сотрудничество КПК и Гоминьдана. Перевёл на китайский язык ряд трудов К. Маркса и Ф. Энгельса, часть «Войны и мира» Л.Н. Толстого, «Фауста» И.В. Гете. После создания КНР занимал ряд высоких государственных постов. Первый президент Академии наук КНР (1949-1978). Неоднократно приезжал в СССР

Совершенно неожиданно Чжоу Энь-лай с сопровождающими его людьми оказался перед нами. Чокнувшись со всеми из нашей советско-монгольской группки, он вдруг обратился ко мне (вероятно, моя персона привлекла внимание Премьера европейским обликом среди азиатских парней, но это лишь предположение). Чжоу Энь-лай спросил, откуда я и чем занимаюсь в Китае. Несколько подрастерявшись, я все же ответил, что приехал из Советского Союза, из Ленинградского университета совершенствовать знания китайского языка и собирать материалы по своей научной теме. Мой ответ вызвал вполне заметную тень удивления на лице Премьера. Слегка повернувшись к сопровождающим, он вполголоса задал им вопрос: «Разве здесь ещё есть советские студенты и стажеры?» Что ему ответили, я не расслышал, но он продолжил расспрашивать меня: «А на каком факультете Бэйда Вы занимаетесь?» Я назвал исторический факультет и имя своего научного консультанта. Последовал вопрос о том, когда я возвращаюсь на родину. После окончания учебного года, ответил я, в середине лета. Он кивнул и, пожелав успеха, наконец-то, пожал мне руку, попрощался и отошёл к другой группе гостей. Вот и всё, всего 2-3 минуты общения. Однако тот факт, что Чжоу Энь-лай задержался около меня, задал несколько вопросов и персонально пожал руку, заметили многие из присутствующих. После окончания приёма, когда мы уже садились в университетский автобус, чтобы возвращаться в Бэйда, мои спутники (даже албанские студенты!) начали дружно кричать: «Бу яо си шоу! Бу яо си шоу!» (Не мой руку! Не мой руку!), давая понять, что я должен сохранить память об этом событии, так сказать, в первозданном виде! Я думаю, это была не «чёрная», а «белая» зависть – ведь они не знали (кроме монголов), о чём был мой разговор с Премьером Госсовета КНР. А на их расспросы я отвечал, что Премьер познакомился со мной и пожелал мне успеха. И это было именно так, если опустить некоторые нюансы... Такие вот сюрпризы мне преподнесла жизнь в Пекине в 1962-1963 годах.

ВГ: А помимо Пекина, Вы бывали в тот год где-то ещё?

БН: Да. Потом, когда мы приехали на юг, в Гуанчжоу, там совсем другая атмосфера была, совсем другая! Кажется, чем дальше от столицы, тем менее напряжённая была атмосфера. Более нормальная, я бы так сказал. Но были и некоторые исключения из этого «географического» правила. Примером, по-моему, может служить Шанхай, в недавнем прошлом славившийся своими прогрессивными традициями. Но в первой половине 1960-х годов этот крупнейший китайский город уже превращался в оплот приближавшейся «культурной революции» – здесь «гнездились» будущие её «запевалы» и «прорабы». Поэтому в Шанхае за нашей группой в поездке был весьма плотный пригляд со стороны спецорганов. А вот Гуанчжоу – более вольный город был. Там мы практически свободно гуляли и общались, не чувствуя за спиной постоянного пригляда. Однажды мы с С.Е. Яхонтовым даже спонтанно зашли на территорию какого-то военного училища... И ничего! Прощтрафившиеся караульные, догнав нас, всего лишь попросили выйти с территории. И не задержали, не стали выяснять личности, хотя имели дело с иностранцами. В Пекине это было абсолютно невозможно.

Как известно, страны-участницы Бандунгской конференции в первую очередь обязались соблюдать в своей внешней политике «Пять принципов мирного сосуществования». Однако уже несколько лет спустя, в 1962 году, две крупнейшие

азиатские страны Китай и Индия (кстати, творцы концепции «Пяти принципов») грубо нарушили Бандунгские решения, развязав между собой непродолжительный, но ожесточенный вооружённый конфликт на своих границах. «Гималайская война» существенно подорвала престиж Движения неприсоединения, ослабила его международное влияние. Китайско-индийский вооружённый конфликт стал также одним из факторов, приведших к эскалации, дальнейшему ухудшению советско-китайских отношений.

ВГ: Где Вы побывали, помимо Пекина, Шанхая и Гуанчжоу?

БН: Где побывал? Мы тогда ездили, только по одобренному туристскому маршруту, который был «рекомендован» нам университетской люсюэшэн баньгунши – канцелярией по работе с иностранными студентами. Это такой маршрут: Пекин – Шанхай – Гуанчжоу – Ухань – Сиань – Пекин. И, конечно, в поездке нас сопровождал неизменный Кэ Гао. Однако во всяких экскурсиях и походах наша группа чаще всего делилась по интересам, поэтому Кэ Гао было не разорваться, и ему помогали местные коллеги. И только в Гуанчжоу он как-то сник и отправился в Пекин с той частью наших ребят, которые возвращались туда раньше нас с Яхонтовым. Дольше всего мы с Яхонтовым пробыли в Гуанчжоу – две недели почти. Да, 13 дней.

ВГ: Чем же Вы там занимались так долго?

БН: Просто я заболел там и лежал в больнице. А Серёжа меня караулил, когда я выйду. Мне нельзя было одному оставаться. Об этом и в посольстве предупреждали: никому одному не оставаться!

ВГ: Это была какая-то простуда?

БН: Нет, инфекция кишечника.

ВГ: Что-то съели?

БН: Скорее всего. Ведь питание там тогда было далеко не «рафинированное», а у меня с военных лет желудок неважно работал. Вот и случилось какое-то сильное отравление. Боли были сильные. Конечно, иностранцев в Китае в ту пору очень мало было (кажется, в той многоэтажной гостинице, где мы остановились, только мы и были единственными). А тут я приехал и заболел. Вызвали врача. Он пришёл, почему-то испугался, пригласил ещё нескольких коллег. Целый консилиум. Сначала думали, что это аппендицит, хотели даже на операцию везти (рентгена-то ведь не делали, всё наощупь, а у меня вся полость живота как в огне). Потом решили всё-таки подождать. И правильно. Кормили какой-то лечебной кашницей, принимал и другие лекарства. Ну, и отлежался за 5-6 дней, поправился... Вместе с тем, приобрёл больничный опыт иностранца в Китае. Лечился я в больнице имени Сунь Ят-сена (в Гуанчжоу многие городские объекты носят его имя: ведь великий Сунь – гуандунец!). Лежал в маленькой палате на одного человека, на втором этаже. Пальмы росли прямо у моего окна, можно было дотрагиваться... Когда боли стихли, это был просто отдых. Врачи ко мне приходили регулярно, Серёжа посещал. Он там без меня ещё много по городу гулял, смог что-то новое увидеть и мне рассказывал.

Я уже говорил, что нам гораздо легче было в Гуанчжоу в отношении того, что практически отсутствовал догляд, принудительное сопровождение людьми от гуаньцзюя. Но в другом отношении, в отношении разговорного языка, нам порой было нелегко. Мы не понимали местный диалект – *гуандунхуа*. Был такой случай.

Мы в каждом городе посещали *дунъюань*, то есть – зоопарк. Сергей просто любил посмотреть экзотическое зверье и потом написать об увиденном своей маленькой дочке (Ныне Наталья Сергеевна Яхонтова – канд. филол. наук, монголист-преподаватель). А я по большей части прагматически готовился к курсу географии Китая. Мы в каждом городе посещали это заведение. И мы слышали, что в Гуанчжоу есть очень хороший зоопарк. Он расположен где-то в северной части города. Надо приехать вот туда-то, а потом пройти пешком. «Найдёте, спросите», – сказали нам в отеле. Ну, мы поехали, дошли куда-то – увидели большой парк, где в основном пальмы росли. Идём сквозь этот парк, неизвестно куда. Дорожка как будто и есть, и как будто её и нету. Там же всё вытоптано «понизу», травы никакой. Идём, встречаем мужчину. Серёжа (он лучше меня в разговорном и потому смелее) обращается к нему, конечно, на *путунхуа*. А тот: «Айя, дескать, ничего не понимаю!» Сергей пытается что-то писать, но тот уже испугался и убежал. Смотрим – идёт женщина. Эта женщина при первых словах тоже сразу побежала. Испуг какой-то на них напал. Видимо, *лаоваи* – иностранцы забредали в этот район редко, это была уже окраина. Но в конечном счете, мы двух зайцев сразу убили. И зоопарк посетили, и побыли у стелы Саньюаньли. В этом месте в середине XIX века была деревня с таким названием. Здесь летом 1841 года произошло первое «сражение», а точнее – противостояние китайского народного ополчения и войск английских колонизаторов. Близ этой деревни 10 000 крестьян из окрестных деревень, вооруженные самодельными копьями, мечами, дубинками и иным «грозным» оружием, окружили идущий к Гуанчжоу британский отряд, по некоторым данным, из семисот человек, в основном индийцев-сипаев. Хотя кровавого сражения не произошло, и намного преобладавшие в численности ополченцы применили в основном метод устрашения врага, рекомендованный ещё древнекитайским стратегом Сунь-цзы: непрерывно били в барабаны, дудели в гонги, потрясали своим оружием и, раз за разом, громко кричали: «Ша! Ша! Ша!» – т.е. «Убьём! Убьём! Убьём!», тем не менее, англичане, ввиду непрочности позиции на рисовом поле, вынуждены были отступить, оставив противнику в качестве трофеев несколько пушек и ящики с подмокшим во время дождя порохом. В целом их потери были минимальны. Однако в Китае, начиная ещё с гоминьдановского периода, а затем и в КНР, невероятно, почти до всемирного масштаба, раздули значимость этой, с позволения сказать, победы, потому что других-то успехов в борьбе с Западом у Китая в то время по сути не было. В данном же случае верх одержал НАРОД, а не императорские войска династии Цин, что признается особенно ценным. Событие 1841 г. у Саньюаньли вошло во все китайские учебники по истории, касающиеся Первой «опиумной» войны 1840-1842 гг., как «первая историческая победа китайского народа над иностранными агрессорами». А на месте события был воздвигнут каменный обелиск с пространной надписью о происшедшем. Мы с С.Е. посмотрели его, почитали надпись и неуверенно двинулись дальше, ещё не зная, как найти зоопарк. Как раз в это время увидели идущих строем младших школьников, которых возглавляла, конечно же, учительница. Ну, думаем мы, теперь уж непременно узнаем дорогу в дунъюань! Сразу ринулись к этой учительнице, а она тоже то ли растерялась, то ли чего-то ещё. Молчит. И вдруг из строя выходит один карапуз и говорит: «Дядя, надо пойти вон туда, повернуть направо, потом прямо – там и будет зоопарк. Мы

идём туда же. Пошли вместе!» Ребята были маленькие, они изучали путунхуа и уже говорили на нём. А учительница – фигово. Видимо, биолог, если в зоопарк детей вела. Ну, мы им всем советские значки подарили, и вместе радостные двинулись в зоопарк...

ВГ: Экскурсия удалась!

БН: Да. И ещё были прямые и косвенные свидетельства того, что Гуанчжоу жил совсем по-другому, не как Пекин. Во-первых, на всех улицах торговали – что там только ни продавали! У меня сложилось впечатление, что если походить там целенаправленно, то трактор можно было собрать по частям. Так, подходим, один мужик стоит. Около него лежит на земле большой авиационный пропеллер, и он стоит, продает его. С нами в это время был Боря Надточенко.⁵⁸ Может, знаешь такого?

ВГ: Да, мы знакомы.

БН: Борис спрашивает:

– А что продаёшь-то? – Ну, Боря лингвист, он очень хорошо язык знает.

– А вот, продаю, – говорит китаец.

– А это откуда?

– Да тут, недалеко, во Вьетнаме воюют, вот привезли на лодке мне.

– А ты думаешь, это кому-то надо?

– А, может, кому-то и надо! – Стоит и продает: а может, кому-то и понадобится! Такие вот были неизгладимые впечатления! Посетили мы ещё там маленький ресторанчик над аптекой, где поели *лунхудоу* – всё как положено!

ВГ: Это «битва тигра с драконом» – блюдо такое китайское из змей и кошек.

БН: Да. Змею сначала там выбирают. Дают особую рукавицу, и ты должен пощупать в специальном коробе, какая пожирнее и получше. Ну, мы сразу сказали: «Вы сами, давайте сами!» Хозяин нам и вынул какую-то: «Вот, вчера были потолще, а сейчас только такие остались. Хотите такую?» Мы говорим: «Хотим, хотим!»

ВГ: И поели змей с кошками!..

БН: Да. Вот, такие у нас были маленькие приключения. А вся поездка по Китаю была можно сказать, по кругу.

ВГ: Чем Вы занимались в Китае профессионально в тот первый приезд?

БН: Я усиленно собирал материал по теме о китайских тайных обществах, особенно по истории Союза Неба и Земли (Тяньдихуэй)

ВГ: Разве не о «Белом лотосе», как советовал Н.В. Кюннер?

БН: Нет. Ситуация серьёзно изменилась. Перед самым отъездом я узнал, что параллельно со мной в Москве над темой о Белом лотосе работает и, может быть, опередила меня Екатерина Борисовна Поршнева⁵⁹, китаевед, дочь известного советского историка Б.Ф. Поршнева. Она сейчас в Бостоне живёт, ушла от востоковедения, а почему – не знаю, хотя её научная карьера на родине была

⁵⁸ *Надточенко Борис Яковлевич* (1939 г.р.). Китаевед, переводчик. Окончил Институт Восточных языков при МГУ (1964), старш. науч. сотр. ИДВ РАН (с 1995)

⁵⁹ *Поршнева Екатерина Борисовна* (1932). Китаевед, д.и.н. (1992). Окончила истфак МГУ (1955). Работник Института китаеведения (1960), ИВ АН СССР (с 1960). Изучала историю социальных и религиозных движений в Китае

вполне успешной. Но это её личное дело, где жить и чем заниматься. Так вот, приезжаю я в Москву, встречаюсь с ней. Оказалось, что она уже завершила работу над диссертацией, посвященной «Белому лотосу» и его восстанию в 1795 – 1804 гг. До *тайпинов*⁶⁰ это было самое крупное при Цин восстание, охватившее пять провинций Китая и продолжавшееся почти 10 лет. Она уже и автореферат к печати подготовила. Ну, а что делать мне? Говорю ей: «Ну, Екатерина Борисовна, защищайте, естественно, эту тему. Тут Ваше первенство. А я, поскольку еду в Китай, и поскольку у меня ещё какой-то материал наработан по тайному обществу «Неба и земли» (*Тяньди хуэй*), буду «переселяться» сюда. Ну, она была благодарна, потому что в чём-то я, может быть, и отстал, а в чём-то и опережал. В общем, я даме уступил...

ВГ: По-джентльменски.

БН: Да, и уехал в Китай после этого. Она мне потом все книги подписывала: «Спасибо за тему, которая стала моей жизнью!»

ВГ: А какая тема стала тогда Вашей жизнью?

БН: Я стал заниматься тогда *Тяньди хуэй*. Приехал в Бэйда, и уже знал к кому обратиться, чем очень удивил всех. Сказал, что есть такой профессор Шао Сюнь-чжэн. Я хочу, чтобы он был у меня научным консультантом. У китайцев – глаза на лоб! Шао Сюнь-чжэн был профессором истфака Пекинского университета. В своё время он учился и работал в Лондоне, уже поэтому едва ли пользовался доверием партийных органов. Но именно у него были интересные работы о тайных обществах, об их роли в народных движениях Цинского времени. С его работами я уже был немножко знаком. А когда приехал в Китай и показал, что знаю, что мне надо и кого мне надо – китайцы очень удивились.

ВГ: И пошли Вам навстречу?

БН: Пошли навстречу, хотя это был период-то не самый лучший.

ВГ: Познакомили они Вас с этим профессором?

БН: Да, познакомили с этим профессором, он дал мне в помощь своего аспиранта, и мы стали работать.

ВГ: Собирать материалы?

БН: Собирать. Я целый год потом собирал материалы, много собрал, и очень хорошие. Повезло! В это время там как раз несколько интересных книжек вышли. Я тоже добавил их. В библиотеке на истфаке Пекинского университета была хорошая периодика. Я её тоже использовал. В городскую Пекинскую библиотеку мы тоже ходили, ещё старую, в центре города. Вот, так я работал.

ВГ: В итоге Вы набрали материал на диссертацию?

БН: Ну, да.

ВГ: Тогда давайте поговорим о Ваших научных исследованиях!

БН: Давай, это будет короче. О жизни – подробнее, об исследованиях – покороче.

ВГ: Как Вы, в конце концов, подошли к написанию диссертации?

⁶⁰ *Тайпинов восстание* (1850-1864). Великая крестьянская война в Китае, направленная против социального гнёта и правящей маньчжурской династии Цин. Идеология тайпинов представляла синтез китаизированного христианства и традиционных древнекитайских социально-утопических идей о справедливом обществе «Великого Благосостояния» (Тайпин)

БН: Ну, это было совершенно естественно. Только, к сожалению, я тяжело пишу. Не то, чтобы я – как Лев Толстой. Но у меня всегда около десятка редакций, я не могу остановиться ни на одном варианте, и тогда, когда уже времени просто не хватает, приходится аврально останавливаться на каком-то одном. У меня тяжелый продукт письменного слова. Если устное изложение более-менее ещё легко, то письменное – очень тяжело идет. Я не удовлетворен каждой своей формулировкой. Поэтому многое меня затрудняло. Я вернулся, скажем, из Китая в 1963 году. Казалось бы, всё у меня собрано. И я начал публиковаться, статьи появились. Но защитился я только в 1976 году. Понимаешь, ещё десяток с лишним лет «профукал». Но, конечно, не «профукал» в полной мере, потому что меня всё время отрывала общественная деятельность. Раз пять я был в составе партийного комитета университета, сколько-то времени работал на факультете – в деканате, партбюро, на полставки переходил. И, в общей сложности, около 12 лет у меня ушло на это дело. Это были годы, когда я мог только прибежать, прочесть лекцию, провести занятия и убежать опять на работу. Поэтому, конечно, научная деятельность как-то вышла у меня по жизни «бокком», буквально. Можно было, конечно, сделать больше. В то время как другие люди собирали «кирпичики», я занимался чёрт-те чем, и выкинул на это «золотое время» своей жизни...

ВГ: Вы имеете в виду общественную деятельность?

БН: Конечно!

ВГ: Вы жалеете об этом сейчас?

БН: В определённой степени – да. Можно было гораздо меньше этим заниматься. Потому что были и другие люди, тоже члены партии. Но они как-то умели избегать вот этого расходования времени не по существу, на какое-то «отопление божьего белого света», как говорят. А у меня это получилось очень неудачно. К тому же ещё мой дорогой шеф, Геронтий Валентинович Ефимов, очень часто меня просто подставлял на эти всякие должности. Почему – я не знаю. Выдвигал, так сказать. И меня избирали – то туда, то сюда. А это всё – отвлечение времени. Причём это было даже чревато и для семейных отношений, потому что жена говорила: «Ну сколько ты можешь без защиты?» Вот такая картинка у меня сложилась. Поэтому сейчас я, конечно, уже жалею. Это всё, что было в прошлом, сейчас это перечеркнуто, это никому не нужно уже. Тогда это был капитал – социальный капитал, политический капитал, карьерный даже капитал. А сейчас это – нуль. Вот и приходится жалеть! Тот же самый Борис Григорьевич Доронин, поработав всего 3 года замдекана, всюду говорит и пишет о своем большом вкладе в историю факультета, а я 12 лет выкинул, как ни говори. Он как раз умеет «складывать кирпичики». А я не умею, разбрасываюсь. Ну, а тема кандидатской диссертации, конечно, после Китая была для меня ясна, и статьи я уже публиковал в этом ключе. Но защитился поздно, когда Ефимов уже поставил ультиматум: сколько уже тянуть-то можно? И тогда диссертация была дописана в 3 месяца – тут уж в «толстовство» играть нечего было. И вот, мы на одном совете защищали с Дорониным кандидатские. Это было в марте 1976 года. Потом он опять собирал хорошие «кирпичики», складывал стенку, и в 1993 году защитил докторскую диссертацию по совокупности опубликованных работ. Ну, а я так и остался в обществе «УД» – «умрём доцентами» это называется.

ВГ: Спасибо, будем знать, что есть такой «термин». В 1960-х годах под руководством С.Л. Тихвинского⁶¹ был реализован коллективный проект «Маньчжурское владычество в Китае». В результате был опубликован одноимённый сборник.⁶² Каким образом привлекли к участию Вас?

БН: Во-первых, примерно в те годы приезжал к нам Жан Шэно (Jean Chesneaux) – французский китаевед, вьетнамовед – востоковед, профессор Сорбонны. Он, якобы, был коммунистом, но потом «полевел» или «поправел» и вышел из компартии. В общем, он – фигура интересная. Он приходил к нам на кафедру с переводчиком. Мы разговаривали о том, кто чем занимается. Про меня сказали, что я занимаюсь тайными обществами. Он так ладонью по столу стукнул и сказал: «Так это же очень интересная тема! Я сейчас тоже этим занимаюсь! Если Вы что-то можете подготовить, то немедленно посылайте мне материалы!» А как раз в это же время Сергей Леонидович затеял сборник «Маньчжурское владычество в Китае», и меня просто туда пригласили как автора, от имени Сергея Леонидовича, поскольку он был моим первым оппонентом на защите диссертации. Вторым оппонентом у меня была Аида Ипатова⁶³. А у Бориса Григорьевича были оппонентами тоже Сергей Леонидович и покойный Рудольф Всеволодович Вяткин⁶⁴.

ВГ: Когда Вас пригласили участвовать в этом сборнике, у Вас уже была подобрана тема?

БН: Она была уже в общем-то готова. Почему? Потому что в деятельности всех тайных обществ в период династии Цин (1644-1912) содержалась пропаганда. Антиманьчжурская пропаганда в деятельности тайных обществ – это распространение всевозможных стихов, песен, даже прокламаций антиманьчжурских и так далее. Всё это уже было у меня собрано, и можно было оформить статьёй. Статья под названием «Антиманьчжурская пропаганда тайного общества Неба и Земли (Триады) в Китае, 1800-1860 гг.» и пошла в наше местное,

⁶¹ *Тихвинский Сергей Леонидович* (1918 г.р., Петроград). Китаевед, д.и.н. (1953), академик АН СССР (1981). Служил на дипломатической работе в Китае, Англии, Японии (1939-1957). Чрезвычайный и Полномочный Посол СССР (с 1966). Директор Института китаеведения (1960), замдиректора Института народов Азии (1961-1963). Интервью для проекта «Китаеведение – устная история» см. на сайте ИВ РАН: <http://www.ivran.ru/project-modernization-models/57>

⁶² Маньчжурское владычество в Китае – М.: Наука, 1966, 387 с.

⁶³ *Ипатова Аида Семёновна* (1933, м.р. Москва). Китаевед. К.и.н. (1971). Научный сотрудник Института китаеведения (1958–1961), Института народов Азии (1961-1962), ИЭМСС (1964-1967), ИДВ (с 1966) РАН. Зам. главы центра «Россия – Китай» (с 1992)

⁶⁴ *Вяткин Рудольф Всеволодович* (1910-1995). Китаевед. Окончил ДВГУ (1939). Доктор Honoris Causa. Исследователь исторической мысли в Китае. Впервые перевёл на русский язык с комментариями большую часть «Исторических записок» (*Ши цзи*) Сыма Цяня (в 2011 перевод и полное издание всего труда завершено учениками Р.В. Вяткина). Преподаватель КВП, ВИИЯ, МИВ, МГУ (1939-1956). Научный сотрудник Института китаеведения (1956-1958), ИВ АН СССР (с 1958). Завотделом Китая ИВ АН СССР (1960-1967)

университетское издание и одновременно – к Шэно, в его сборник «Народные движения и тайные общества в Китае в XIX и XX вв.», который был опубликован в Париже в 1970 году. Вскоре в США стали готовить англоязычный вариант французского сборника (это говорит о том, что тема китайских тайных обществ была в то время, действительно, актуальной!). Кое-какие статьи из сборника Шэно исключили, но моя статья вошла и в американский сборник, отчасти благодаря помощи Марка Мэнколла (Mark Mancall), китаевода из Стэнфорда, моего хорошего знакомого (в конце 1950-х годов он был стажёром на нашей кафедре). Американский сборник вышел в Стэнфорде в 1972 году. Таким образом, статья была опубликована в трёх местах: у нас, в Париже и в США. Это нечастый случай. А в сборник С.Л. Тихвинского «Маньчжурское владычество в Китае» я дал уже другую работу – о восстании тайного общества Неба и Земли (Тяньдихуэй) на Тайване в 1787-1788 гг.

ВГ: Почему Вы выбрали тайваньский регион? Случайно это получилось, или нет?

БН: Нет, это было отнюдь не случайно.

ВГ: Если нет, то почему?

БН: Остров Тайвань являлся одной из «колыбелей» тайного общества Неба и Земли. Одна из версий происхождения Общества состоит в том, что его создал военачальник-флотоводец Чжэн Чэн-гун (Косинга 1624-1661), решительный противник династии Цин, которую создали и перенесли в Китай маньчжуры.

ВГ: Минский генерал, который, спасаясь от маньчжур, захватил в 1661 году Тайвань, изгнав с острова голландцев.

БН: Ну он, собственно, не был генералом. Он – сын минского военачальника, любимец южно-минского Тан-вана. Собственно, он был самозванным генералом. Никто ему не присваивал такой должности. Хотя он и сдавал государственные экзамены, но по-моему, не по военной даже части. В общем, по одной из версий, он – основатель общества *Тяньди хуэй*. Вытесняемый цинскими войсками из материковых районов Юго-Восточного Китая, Чжэн Чэн-гун направил свой флот на Тайвань, изгнав с острова голландских захватчиков. За это он почитается в Китае как освободитель Тайваня от иностранных (в данном случае, голландских) колонизаторов. В Сямэне, на прибрежной скале островка Гуланьсюй сооружен большой памятник Чжэн Чэн-гуну: средневековый воин в шлеме и доспехах смотрит в сторону моря (Тайваня), в поднятой его правой руке – меч, направленный в ту же сторону... Согласно некоторым преданиям общества Тяньдихуэй, перед тем, как покинуть материк, Чжэн Чэн-гун тайно оставил там верных людей, приказав им затаиться и ждать сигнала к выступлению. Однако, вскоре после отвоевания Тайваня Чжэн Чэн-гун внезапно умер в возрасте 39 лет. Его люди на материке остались без руководства и решили действовать самостоятельно. Они собрались и, приняв кровную клятву побратимства, образовали тайное общество Тяньдихуэй, целью которого поставили свержение династии Цин и восстановление в Китае власти предшествующей династии Мин. Эта цель выражалась лозунгом «Фань Цин, фу Мин», т.е. «Свергнем Цин, восстановим Мин!», который в дальнейшем использовался во многих народных восстаниях. Такова одна из версий происхождения общества Неба и Земли. Не учитывать её было нельзя, и, следовательно, надо было поискать истоки этой версии там, где действовал Чжэн Чэн-гун. Поэтому, когда я второй раз поехал в

Китай в 1985-1986 годах, я из Шанхая, где на сей раз стажировался в университете Фудань, взял себе командировку в город Сямынь. Специально провёл в Сямыне около трёх недель, искал всякие материалы по этой теме, в частности, на истфаке Сямыньского университета. Здесь очень серьёзное внимание уделяли местной, региональной истории и, конечно, Тайваню. Так, через деятельность Чжэн Чэн-гуна и Тяньдихуэй я вышел и на историю Тайваня, которая меня заинтересовала, особенно ранняя. Собрал некоторую литературу, я даже попытался составить небольшой спецкурсик по истории Тайваня доцинского периода.

ВГ: Это была Ваша личная инициатива, или как-то власти в СССР это поощряли?

БН: Скорее, я работал сам. Но Ефимов, в частности, был не против того, чтобы мы занимались Тайванем, интересовались этим островом. Он был отнюдь не против.

ВГ: Наталья Ивановна Фомина⁶⁵ тоже успешно занималась близкой темой.

БН: Наталья Ивановна Фомина – да. Она, покойная, занималась этим именно в свете антицинской борьбы на Юго-Востоке Китая в ранний период Цин. Она Южных Минов не особенно затрагивала. У неё рассматривалось купечество приморское. И, следовательно, Чжэн Чэн-гун, его отец – Чжэн Чжи-лун, знаменитый фуцзяньский феодал и пират-торговец, позднее ставший минским военачальником, всё его окружение и другие сюжеты, связанные с обстановкой на Юго-Востоке Китая в середине XVII века.

ВГ: Как и когда прошла Ваша вторая поездка в Китай?

БН: Нормально она прошла. Это уже было другое время, и Китай был совсем другой. Начались реформы. И хотя их результаты к середине 1980-х были еще невелики, но в обществе уже чувствовалась некая новая, нарастающая энергетика. Люди хотели что-то делать, активнее искали приложение своему труду и способностям. Особенно это было видно в таком мегаполисе, как Шанхай: кипящая торговля, бурлящее строительство и др. Китайцы начали «дышать», чего они не могли себе позволить раньше. Их жизнь стала живее, надежнее и, я бы даже сказал, свободнее. Во дворах жилых домов (а также в вагонах поездов) мужчины играли в карты, рассказывали анекдоты, по праздникам в парках и на некоторых площадях выступали цирковые труппы и атлеты, демонстрирующие свои достижения в искусстве *цигун* и собирающие толпы зрителей. Приходилось видеть и слышать *шошуды* – уличных сказителей произведений фольклора и художественной литературы... В общем, жизнь становилась интереснее и ярче. Постепенно уходило в прошлое ранее привычное какое-то оцепенение людей, они стали живее, активнее. Впрочем, мрачное прошлое порой еще хватало за горло. Так, вскоре по приезду в Шанхай я заметил, что в городе довольно много инвалидов в колясках, которых возят их близкие. Однажды я спросил об этом своём впечатлении у моего хорошего знакомого, профессора истфака университета (тоже в своё время учился в СССР). Он ответил: «Да, это так. И на 90% это последствия жестокостей времён «культурной революции». К тому же многие больны психически. А больниц для них очень мало, поэтому большинство находится в семьях...» Вот так прошлое чудовищно вылезло в настоящее. А я ведь и не связал своё наблюдение со

⁶⁵ Фомина Наталья Ивановна (1932-2012). Китаевед, к.и.н.(1973). Окончила истфак МГУ(1955). Научный сотрудник ИВ РАН (1957-2012). Тема исследований: антицинская борьба на Юго-Востоке Китая в XVII в.

страшным катаклизмом – «культурной революцией», которую (без меня) пережили китайцы!...О годе, проведённом в Шанхае, можно рассказывать без конца. Но я надеюсь, что многое осветил в своих мемуарах Юрий Владимирович Чудодеев⁶⁶, с которым мы, как в своё время с С.Е. Яхонтовым, прожили год в Фуданьском университете буквально бок о бок. Насколько мне известно, воспоминания Ю.В. уже вышли в свет⁶⁷.

ВГ: Чем Вы там занимались, помимо работы в Сямыньском университете?

БН: Занимался я, в основном, прежними темами. То есть, темами о тайных обществах. Но более широко, конечно. Рассматривал уже не только деятельность «Неба и Земли», но и других подобных объединений. Как раз в это время в Пекине прошла дискуссия о происхождении «Тяньди хуэй». Это была популярная тема в Китае начала 1980-х годов. По итогам этой дискуссии вышло 7 томов архивных материалов. Так что, моя тема уже звучала в Китае, и я её просто расширял. Помимо «Тяньди хуэй», я хотел подключить другие тайные общества и сделать некое обобщающее исследование. По возвращению домой я его начал, но, увы, опять-таки, не закончил.

ВГ: А в Китае Вы публиковались?

БН: Да, одну статью я там опубликовал.

ВГ: Когда это было?

БН: В 1986 году она вышла. Сейчас мы её название посмотрим.

ВГ: «К истории терминов и типологии тайных обществ Китая». Это она?

БН: Нет.

БН: Где-то тут, в библиографии, прямо сказано, что статья на китайском языке. Вот она: «Об организационном характере конспиративного объединения Тяньдихуэй», «Фудань сюэ бао». Это «Академический журнал Фуданьского университета». Шанхай, 1986 год.

ВГ: С кем из известных отечественных китаеведов Вам доводилось тесно общаться в советское время и после 1991 года? Допустим, с Р.Ф. Итсом Вы были знакомы?

БН: Конечно. Не только был знаком, дружил. Он окончил наш факультет на два года раньше меня, в 1950 году, вместе с Е.А. Серебряковым. С ними учился и Володя Кудрин, который потом работал референтом в Библиотеке Академии наук, а также недавно скончавшаяся Т.А. Малиновская, которая после окончания десятки лет работала на кафедре китайской филологии востфака (специалист по истории китайской драмы). Рудольф Итс позднее стал известным этнографом, расширил своё поле исследований на южный Китай, народы южного Китая и Индокитая. Практически все свои труды он мне дарил. Мы довольно часто встречались и неформально. Помню, в Ленинград приезжал из Москвы Д.Н. Воскресенский с сыном Лёшей, тогда ещё школьником (ныне А.Д. Воскресенский – маститый

⁶⁶ Чудодеев Юрий Владимирович (1931 г.р., Москва). Китаевед, к.и.н. (1965). Окончил истфак МГУ (1954). Специалист по новой и новейшей истории Китая. Научн. сотрудник ИВ АН СССР (с 1962). Стажировался в Пекинском университете (1964) и университете Фудань (Шанхай, 1985-1986). Ведущий научн. сотрудник Отдела Китая ИВ РАН

⁶⁷ Чудодеев Ю.В. Советский стажер в Китае: Дневниковые записи о стажировке в университете Фудань (Шанхай) в 1985-1986 гг. – М., 2014, 346 с.

ученый-китаевед, политолог-международник). Мы с Рудольфом (он тогда был директором ЛО ИЭ АН СССР и Кунсткамеры) водили гостей по музею, поднимались даже в башенную часть здания, чтобы показать им знаменитый, огромный Готторпский глобус... С москвичами, если я и знаком, то лишь с немногими (всё-таки, какое-то время я ездил на конференции в Москву, да и они сюда приезжали). Либо это просто человеческое знакомство (например, Э.П. Стужина,⁶⁸ Е.Б. Поршнева, Ф.Б. Белелюбский, Ю.В. Чудодеев и некоторые другие). А научного сотрудничества у нас было маловато. Пока был жив Василий Павлович Илюшечкин⁶⁹, он всегда писал питерским китаистам и приглашал к участию, когда издавал какие-то сборники. Поскольку он у нас тоже здесь работал, преподавал и знал меня ещё студентом, он всегда приглашал нас с Володией Кудриным поучаствовать в этих сборниках. Василий Павлович знал, что я занимаюсь тайными обществами. Особенно когда он исследовал историю тайпинского восстания и потом готовил сборник «Тайные общества в старом Китае», он пригласил, конечно, и меня к участию. Как уже говорилось, и Сергей Леонидович Тихвинский любезно пригласил поучаствовать в сборнике о маньчжурском владычестве. Но вообще-то мало общих проектов было. Москвичи справлялись сами, мы же (и наши издания, публикации) становились сугубо провинциальными. О них мало кто знал не только за рубежом, но и в нашем отечестве. Но, возможно, мы сами в этом в немалой степени виноваты...

ВГ: Было бы интересно узнать Ваше мнение о петербургско-ленинградской школе китаеведения, поскольку Вы много десятилетий живете и работаете в этой среде.

БН: Да, больше полувека. Поскольку Ленинград-Петербург – город маленький, по сравнению с Москвой, мне в разной степени знакомы были практически все местные коллеги старших поколений и, разумеется, мои сверстники. Что же касается представителей младших поколений, то это на 99% наши выпускники, т.е. ученики. Так что говорить о том, что я кого-то не знаю, можно лишь имея в виду «варягов». Другое дело, что более близкие, дружественные, прочные и продолжительные отношения устанавливались, как и у других, далеко не со всеми. Как говорится, «каждый выбирает по себе». И дело здесь не только и даже не столько в возрастных различиях. Например, я уже немало лет дружу с несколькими коллегами, которые почти наполовину младше меня. Дружим семьями, ходим друг к другу в гости и т.д. У меня вообще много добрых знакомых и приятелей среди молодых коллег факультета. Они мне нравятся. Ну, видимо, и я им чем-то подхожу. Напротив, в последние годы, увы, явно утрачен общий язык с некоторыми сверстниками, которые ещё продолжают трудиться на факультете. Конечно, мои знакомства и дружеские отношения с самого начала не ограничивались стенами востфака. Годы работы в комсомоле, парткоме, ректорате

⁶⁸ Стужина Эмилия Павловна (1931-1974). Китаевед, к.и.н. (1962), доцент (1967). Преподаватель ИСАА при МГУ (с 1957). Специалист по социально-экономической истории Китая в средневековье и новое время

⁶⁹ Илюшечкин Василий Павлович (1915-1996). Китаевед. Окончил истфак МГУ (1939). Д.и.н. (1966, «Крестьянская война тайпинов»), д.филос.н. (1988). Научн. сотр. ИВ РАН (1960-1996). Автор свыше 120 работ

значительно расширили круг моих знакомых и друзей: философов, историков, биологов и геологов, географов и даже физиков, химиков и других.

Разумеется, никак нельзя сказать, что в жизни я общался с людьми только «золотого чекана», от прикосновения к которым «на пальцах остается позолота» (запомнившееся мне образное выражение Гюстава Флобера). Окружавшие меня по жизни люди были (и остаются!) разными – и лучше, и хуже. Но все вместе они позволили мне накопить поистине колоссальный по разнообразию опыт человеческого общения. Этот опыт я, по мере сил и способностей, использую до сих пор и, как полагают некоторые, безуспешно. А ведь общение с себе подобными – это главное и единственное, без чего человек не может полноценно существовать...

Из университетских людей, которые, пройдя по моей жизни на каком-то её участке, оставили благотворный памятный след, хочется назвать, в первую очередь, двух: это Сергей Борисович Лавров* и Лев Николаевич Гумилёв⁷⁰. С С.Б. Лавровым я был достаточно близко знаком ещё с аспирантских лет и комсомольской деятельности. Наши добрые отношения продолжались, с разной степенью интенсивности вплоть до его кончины. В течение нескольких лет мы были связаны буквально «неразрывно»: он был секретарем парткома университета, а я – его заместителем. Сергей Борисович был человеком широко известным в университете, и столь же авторитетным. Высококласный и разносторонний специалист по экономической и социальной географии, геоэкологии и геополитике, он, конечно, серьёзно интересовался и Востоком, азиатскими проблемами. В этом отношении беседы и обмен мнениями с ним были для меня в высшей степени полезны. Истинный универсант (студент-выпускник университета), интеллигент высшей пробы (он из семьи универсантов-филологов, я даже был знаком с его матерью, профессором-русистом Марией Александровной Соколовой. Отец С.Б. умер во время блокады), он всегда восхищал меня тремя нечасто встречающимися качествами: обширностью знаний, «быстродействием» ума и удивительной легкостью общения с людьми. Хотя он был всего на год старше меня, я относился к нему как к наставнику, учителю жизни, в высоком смысле этих слов. Стопроцентный интеллектуал, Сергей Борисович был вместе с тем убежденным патриотом-государственником и никогда не чурался тяжёлой, черновой работы во благо университета, шире – страны. Именно этим можно объяснить его активную общественную деятельность на протяжении многих лет. Его профессиональная и общественная карьера сложилась вполне успешно: доктор наук, профессор, заслуженный деятель науки, завкафедрой, неизменный член многих диссертационных и иных экспертных советов – это его позиции профессионально-служебные. На поприще общественном главной сферой приложения его знаний и талантов была работа в Русском Географическом обществе (РГО) – организации в высшей степени почтенной и значимой в истории отечественной науки географии, да и не только географии. Всю свою сознательную жизнь С.Б. Лавров был теснейшим образом связан с РГО, организуя работу правления и секций Общества.

⁷⁰ *Гумилёв Лев Николаевич* (1912-1992). Советский историк-этнолог, археолог, востоковед, писатель, переводчик. Д.и.н. (1961). Автор оригинальной пассионарной теории этногенеза

Среди этих секций издавна существует Восточная секция, в работе которой участвуют наши востоковеды, не исключая и меня. С 1980-х годов С.Б. Лавров становится вице-президентом, а в 1995-2000 гг. он – президент Русского Географического общества. Таков его путь на поприще общественном. Нет необходимости далее разьяснять, какой масштабности человека я встретил на своем жизненном пути, какой драгоценный камень сиял мне своими гранями! Именно с С.Б. Лавровым непосредственно связано начало моего знакомства с другим уникальным человеком – Львом Николаевичем Гумилёвым. С Гумилёвым С.Б. не только дружил – они были единомышленниками. Мне известно, как много Лавров делал в поддержку Льва Николаевича: хлопотал о его трудоустройстве, отводил от него несправедливые нападки, активно содействовал публикации его научных трудов. Причём надо учесть, что это делалось долгое время в очень непростой обстановке, когда в партийных органах и околопартийных научных кругах формировали негативную оценку научной и педагогической деятельности Льва Николаевича. Свою «прогумилёвскую» работу Лавров вёл в течение 30 лет дружбы с Гумилёвым, вплоть до кончины учёного и даже после – для увековечения вклада Льва Николаевича в науку. Естественно сам Гумилёв неизменно относился к С.Б. Лаврову как к ближайшему другу-единомышленнику, с абсолютным доверием и теплотой. Таковы были отношения этих двух поистине незаурядных людей.

Осенью 1963 года я, вернувшись из Китая, почти каждую неделю читал лекции о положении в этой стране, по линии общества «Знание», парткома, райкома и т.д., в разных аудиториях (на других факультетах университета и вне университета, на предприятиях и в учреждениях города, области и т.д.). Тема была тогда одной из самых популярных: все хотели знать, что происходит в Китае, и почему эта страна из друга превращается в нашего недруга. Поэтому неудивительно, что меня, только что побывавшего в КНР, к тому же китаиста, эксплуатировали в этом отношении, как говорится, «в хвост и в гриву»... Это была отнимающая немало времени и сил дополнительная к университетским обязанностям работа. А платили за публичные лекции «на фабриках и заводах» оскорбительно мало (особенно лектору «без регалий» кандидата или доктора наук, профессора и т.п.), вообще предпочитая, чтобы эти лекции читались бесплатно, «на общественных началах». Родные и близкие эти мои лекционные походы и поездки так и воспринимали – как ещё одно общественное (партийное) бремя... Ну, так вот. Как-то, когда я кончил рассказывать о Китае и отвечать на вопросы слушателей в РГО (переулок Гривцова, 10), Лавров подвел ко мне невысокого, коренастого, скуластого, внешне малоприметного человека лет под 60 (Л.Н. после Гулагов выглядел, конечно, постарше своего возраста) и сказал: «Вот, Лев Николаевич хотел бы с тобой поговорить отдельно, если ты не против». Получив согласие, Л.Н. протянул руку и представился: «Гумилёв. Занимаюсь историей тюрков, монголов и других степняков, а тут без Китая никак нельзя». Я назвался также. Новый знакомый говорил с лёгкой картавинкой, которая совсем не портила его речь, а придавала ей даже некий шарм. Лавров оставил нас вдвоём. Насколько я помню ту беседу, Льва Николаевича интересовали некоторые вопросы, касающиеся древней и средневековой истории Китая (как, впрочем, и в дальнейшем). Помнится, в частности, что он интересовался, как я в преподавании

объясняю студентам суть отношений императорского Китая с соседями-кочевниками, как оцениваю монгольский период в истории Китая и др. Мои ответы, кажется, не очень его удовлетворили. Это и понятно: я был еще «зелёным» преподавателем, не сведущим во многих нюансах профессии... Я и сам чувствовал лакуны в своих познаниях. Однако Лев Николаевич меня поблагодарил и заверил, что мы наверняка будем ещё встречаться, поскольку он надеется прочитать у нас на востфаке (для студентов-монголистов и китаистов) курс по кочевниковедению. Мы расстались. Надо честно признаться, что тогда, при первой встрече, я абсолютно не связал Л.Н. Гумилёва с А.А. Ахматовой, тем более, с Н.С. Гумилёвым, о котором едва ли слышал (большинству людей моего поколения имя поэта Гумилёва, как и многих других представителей отечественной литературы и искусства начала XX века, были неизвестны вплоть до нашей «эпохи Возрождения» – перестройки. Об Анне Ахматовой мы знали главным образом в связи с речью А.А. Жданова и постановлением ЦК ВКП(б) 1946 года о журналах «Звезда» и «Ленинград» с зубодробительной критикой неугодных партийному руководству писателей. Как известно, «запретный плод сладок»: именно после ждановской критики некоторые стихи Ахматовой в машинописной форме гуляли в нашей студенческой среде. Но связать имя А.А. Ахматовой с Л.Н. Гумилёвым я, конечно, не мог. Только где-то через пару месяцев С.Б. Лавров при встрече со мной вдруг спросил: «А ты знаешь, кто такой Лев Николаевич Гумилёв?» Разумеется, я ответил, что он востоковед-кочевниковед. «Это верно. Но не только, – возразил С.Б. и рассказал мне о родословной и личной судьбе Л.Н.

По-моему, со следующего семестра Лев Николаевич, действительно, пришел к нам на факультет читать курс по истории кочевников как преподаватель-почасовик. С этого времени возобновилось моё с ним общение, которое было достаточно регулярным и продолжалось два с лишним года... Мы встречались почти еженедельно, в перерывах между занятиями или после них, в помещении кафедры монгольской филологии, где он обычно читал свои лекции, или на нашей кафедре истории стран Дальнего Востока. Немало бесед проходило во время «совместного курения» (как и Лев Николаевич, я в то время был заядлым курильщиком). Бывало, что при этих встречах присутствовал или участвовал в нашей беседе кто-то ещё (например, уже упоминавшийся М.Ф. Хван, либо ученица академика С.А. Козина монголистка Г.С. Горохова и, возможно, некоторые другие коллеги), но это, как правило, не меняло содержания разговора. Темы бесед были разные – чисто научные и не очень. Начинался разговор как бы спонтанно. Но вскоре я понял, что Л.Н. чаще всего имел в виду некую важную для себя проблему. Например, он неоднократно обращался к сюжетам о центральноазиатских соседях Китая. Позднее, когда я прочитал его книгу «Поиски вымышленного царства» (1970), стало ясно, что в беседах со мной (или с нами) Лев Николаевич «продумывал и проговаривал» некоторые идеи этого первого, очеркового труда по истории Евразии. Главные научные открытия Гумилёва были ещё впереди, но «дорожная карта», ведущая к этой цели, шаг за шагом становилась короче. Как-то в разговоре я спросил Л.Н., сколько страниц текста ему удастся написать за день труда. 20 и больше, ответил он. Я изумился: это же целая статья! Как можно успеть написать за день!? Он ухмыльнулся: а я не пишу, я говорю! И рассказал, что уже несколько лет, как только созреет идея статьи или книги, он

приглашает стенографистку и наговаривает ей текст. И всё. Зная, что Гумилёв не очень-то любит редактировать (об этом мне говорил М.Ф. Хван), я изумился уже не только редкостной чёткости и организованности научного мышления Льва Николаевича. Ведь из печати его работы выходили не сухими и бесцветными, а как стилистически безупречный и эмоционально насыщенный текст. Все, кто знаком с трудами Л.Н. Гумилёва, хорошо знают, что читать их необыкновенно легко, я сказал бы, даже радостно, хотя речь в них идёт порой о весьма сложных материях...

О Гумилёве-учёном сказано и написано уже достаточно много, и вряд ли я смогу добавить что-либо принципиально новое. Лев Николаевич сформулировал и частично обнародовал пассионарную теорию этносов и свою версию истории Евразии в конце 1960-х – начале 1970-х годов. Но его взгляды не были приняты отечественной наукой ещё без малого 20 лет, до конца 1980-х. Причём это неприятие объяснялось не столько некоторыми реальными недостатками новой теории (а они, конечно же, имели место), сколько чисто идеологическими причинами. Концепция Гумилёва, как официально считалось, не соответствовала положениям марксизма, научного коммунизма. А такое не прощалось. Поэтому официальной советской наукой идеи учёного, представляющие иную трактовку эволюции человеческого общества, отвергались, его книги и статьи не допускались к изданию, ему отказывали даже в праве читать лекции! И так было до тех пор, пока волны «перестройки» не расшатали «партийную лодку» и не ослабили контроль КПСС над литературой, культурой, а затем и гуманитарной наукой.

ВГ: Как складывались Ваши личные контакты с Л.Н.Гумилёвым в этот период?

БН: Увы, но после 1966 года (кстати, год кончины его матери, А.А. Ахматовой) мои контакты с Л.Н. пошли на убыль, а в 1970-х – 1980-х годах чуть ли не прервались вообще. Причин, на мой взгляд, было несколько. Льву Николаевичу, на фоне других «актов дискриминации», было отказано в преподавании на восточном факультете. И он, несомненно, обиженный этим, стал у нас появляться уже весьма редко (в лучшем случае, на конференциях, научных чтениях). Если мы пересекались, то только на мероприятиях Восточной комиссии РГО, что тоже было нечасто. А востфак, как мне кажется, стал для него своего рода *bete noir* – «чёрным зверем», пространством, полным недругов. Вроде как, «все вы тут одним миром мазанные!» Думаю, такое отношение объяснялось, главным образом, тем, что некоторые наши «снобы от востоковедения» порой с пренебрежением отзывались о нём лично (неуч, не знает ни одного восточного языка) и его теории (примитивный «географический детерминизм», в котором концы не сходятся с концами). Наверно, можно было попытаться убедить его в неправильности негативной оценки всего факультета (что в отношении Л.Н. было бы крайне трудно, учитывая его феноменальную неуступчивость во всём, что касалось его убеждённости). Но я не решался предпринять такие попытки. Захлестнувший меня новый этап занятости на общественном и административном поприщах (партком, ректорат) также мешал сосредоточиться на конкретных делах личного характера. А когда я возвратился из второй командировки в Китай и вплотную занялся преподаванием и восстановлением научных штудий, положение Льва Николаевича и его теории уже менялось. Началось, так сказать, их «триумфальное шествие». Обрушившаяся слава не прошла бесследно. Может, я ошибаюсь, но осмеливаюсь высказать своё

впечатление: Гумилёв стал как-то «бронзоветь». На свои публичные лекции (я присутствовал на нескольких) он являлся в сопровождении молодых учеников и последователей, настроенных порой весьма фанатично. После нескольких вступительных фраз Лев Николаевич обычно передавал слово кому-либо из своей свиты, сам же торжественно молчал в президиуме и был похож на какого-нибудь индийского гуру. Для меня лично это был уже совсем другой Гумилёв...

ВГ: Вас это огорчало?

БН: Конечно. Ведь в моей памяти оставался Гумилёв-«пассионарный», Гумилёв-полемист, Гумилёв-рассказчик и артист в самом высоком смысле слова. С Гумилёвым было интересно, даже если собеседник не разделял его позицию. Гумилёв был живой и многообразный, такой же живой и многообразной выглядела и представляемая им история. Нет, он отнюдь не был таким идеалом в отношениях с людьми. Гумилёв порой проявлял вспыльчивость, несдержанность, даже грубость... Несколько раз мне пришлось быть свидетелем таких его пикировок (с М.Ф. Хваном, тогдашним завкафедрой монгольской филологии доцентом Д.А. Алексеевым и другими коллегами). Несдержанность Льва Николаевича нередко обижала людей, априори относившихся к нему вполне положительно... Но! Вот это «но» я и хочу подчеркнуть в заключение своего рассказа о Гумилёве. Когда в 1965 году у моей семьи возникла острая необходимость в материальных средствах, именно Лев Николаевич, который слыл среди коллег если не жадным, то весьма прижимистым человеком, первым пришёл на помощь, передав мне в бессрочный (!) долг весьма солидную по тому времени сумму. Уверен, что в этом-то – естественном движении на помощь нуждающемуся – и состояла суть Гумилёва-человека!

ВГ: Возможно, были встречи с ещё какими-то выдающимися личностями?

БН: Вообще, мне в жизни явно везло на встречи и общение и с другими известными, выдающимися людьми. Так, судьбе было угодно познакомить меня со знаменитым норвежским путешественником, этнографом и археологом Туром Хейердалом. Но это уже иная тема, не имеющая прямого отношения к китаеведению. И ещё. Подводя итог несколько затянувшемуся сюжету «Общение с великими», должен подчеркнуть, что в большинстве случаев эти знакомства объяснялись отнюдь не какими-то особыми личностными качествами, которые совершенно обычны, а моей профессией, моей специальностью китаеведа. Поэтому большое спасибо ей и за это!

ВГ: Готов присоединиться к этой благодарности. Вы говорили, что 1940-е, начало 1950-х годов – это трудное время, когда не хватало почти всего – преподавателей, методик, материалов, учебников. Потом пришло Ваше поколение. Вы стали набирать опыт, ездить в Китай, воспитывать новых учеников. Был, условно говоря, долгий «ефимовский период», когда Г.В. Ефимов курировал всё на востфаке Ленинградского университета. А как изменилась обстановка в конце 1970-х – начале 1980-х годов? Были какие-то новые, важные поворотные вехи?

БН: Конечно, ты прав в том, что набирался опыт. В частности, в области преподавания языка. Но результаты ведь только сейчас сказываются, это процесс очень медленный. Например, выпустил свои учебники тот же Коля Спешнев. И сейчас они широко используются. Но пока это всё произошло, пока это всё было сделано, пока это было освоено самими же преподавателями! Это – про язык. А что

касается страноведческих дисциплин и сюжетов, то здесь сдвиги, конечно, во многом зависели от общеполитической ситуации.

ВГ: Вы говорили, что были времена, когда требовали очень жестко проводить линию партии, в том числе, и в китаеведении.

БН: Ну, да, конечно.

ВГ: И в отношении Китая менялась политика. Когда произошёл перелом, отход от идеологии в ленинградском китаеведении? Это случилось с развалом Союза?

БН: Нет, это было уже в последние годы Союза, в период «перестройки» уже начался этот сдвиг. Конечно, облегчения пошли очень большие. Уже были не столь жёсткие требования к учебным программам, они изменились, безусловно. Тут, действительно, был сдвиг уже. Наметился отход от жёсткого контроля. Стало возможным более свободное изложение курсов, авторские трактовки и так далее. Весь этот весь поворот произошёл, действительно, в где-то в конце 1980-х – начале 1990-х. Но мне кажется, что самый главный поворот пришёлся, всё-таки, на нулевые годы, когда всё наработанное было реализовано. И, прежде всего, в плане преподавания разговорного языка. Регулярный приезд китайских преподавателей, которые дополняют знания наших. Просто, знаете, «слюна течёт», когда смотришь, как сейчас преподаётся китайский язык, и как ребята знают разговорный язык даже после четырёх лет обучения.

ВГ: Это понятно, ведь они все теперь ездят в Китай на стажировки.

БН: Не совсем так. Мы и тогда, как-никак, ездили. Последние коллеги поехали в 1964-м году. Ездили, но не в этом дело. У нас просто не было опыта профессионального общения, настоящего привлечения носителей языка. Мы варились в собственном соку. Впрочем, в какой-то степени мы продолжаем это делать и сейчас. Объективные условия, они улучшились, конечно. Появились такие же возможности, как и на Западе. Западная наука, она почему активнее? Не только потому, что у них материальная база и зарплата преподавателей выше, даётся академический отпуск на год для научной работы и командировок, прочие возможности также есть. Но, главное, у них раньше нас появился опыт широкого научного общения. Помню, в 1959 году приехали к нам первые стажёры американские, такой десант хрущёвской «оттепели». Среди них были востоковеды, в том числе ныне уже покойный Джордж Александр Ленсен. Я с ним с того времени и был знаком. Мы его звали Георгий Александрович – он всё же был какого-то еврейско-славянского происхождения. Ленсен, по-моему, с Украины. А предки уже упоминавшегося Марка Мэнколла были с «черты оседлости» на территории нынешней Белоруссии. Марк в Гарварде работал, когда к нам приезжал, а потом на другом конце США, в Стэнфорде. Там, якобы, платили больше зарплату, а Марк был человеком небогатым. Ленсен же был довольно богатым человеком, имел собственное издательство «Sophia Diplomatic Press» в городе Талахаси, штат Флорида. В общем, капиталист. Однако это не мешало нам общаться, обмениваться мнениями и по вопросам востоковедения, и «по жизни». Общение с молодыми американскими востоковедами (а был ещё, правда, более короткое время, также один англичанин – Родерик Мак-Фаркуар – Roderick Macfarquhar. Он в дальнейшем переехал в США, видный профессор-китаевед Гарвардского университета) сразу показало, что мы хотя и не уступаем им в исторической аналитике, но явно проигрываем по кругозору. До СССР они

стажировались и работали на Тайване, в Сингапуре, Гонконге, Японии, объездили западноевропейские китаеведные центры. Не говоря уж о самих США. Наши американские коллеги несравненно лучше нас знали международную научную проблематику и людей из разных стран, её представляющих. В этом отношении мы действительно выглядели замшелыми провинциалами. Конечно, это было результатом «железного занавеса». Например, когда в первые послевоенные годы советский учёный-востоковед, академик (!) Николай Иосифович Конрад⁷¹ установил письменные контакты со знаменитым английским историком А. Тойнби⁷², то держал в своей комнате мешок с сухарями, потому что каждую ночь ожидал, что его арестуют и посадят из-за того, что он переписывается с буржуазным учёным. Вот о чём идет речь! И вот эта психология и нравы «железного занавеса» живы у нас в старшем поколении ещё до сих пор. И только новое поколение их изживает. Сейчас моя ученица, Юлия Мыльникова, защитила диссертацию и стала преподавателем. Она защищалась у покойного Жени Кычанова. Я просто её передал в медиэвистику, потому что средние века нужны были кафедре, а она всё время работала в области новой и новейшей истории. Юлия уже вступила в некоторые международные научные общества и ассоциации, часто выезжает на различные зарубежные научные конференции, познакомилась со многими коллегами-китаеводами и Европы, и Китая. В отличие от нас, которые прожили большую часть жизни за «железным занавесом». И как бы ни хотели мы освободиться из этого «плена», что ли, уже плена психологического, нам очень трудно это сделать. Всё равно, тебя что-то останавливает, что-то тебе препятствует. То есть, мы поколение, так или иначе несущее на себе груз прошлого. Мне кажется, по мере того, как свободное международное общение будет нарастать, конечно, будет расти и наше востоковедение. Плюс, для полноценного общения обязательно знание как минимум двух языков – европейского и ведущего языка изучаемой страны. Наше востоковедение будет расти потихоньку. Но сейчас оно всё-таки в значительной мере провинциальное, по сравнению с тем, что есть за пределами нашей страны.

ВГ: На рубеже 2000-х годов к вам пришло новое поколение преподавателей. Алексей Родионов, Александр Сторожук. Это Ваша достойная смена.

БН: Да, да. Это наша смена.

ВГ: Как вы относитесь к ним, к новому поколению?

БН: Очень положительно!

⁷¹ *Конрад Николай Иосифович* (1891-1970). Востоковед, японист и китаевед. Окончил китайско-японское отделение Петербургского университета (1912). Учился в Японии (1914-1917). Профессор (1926). Д.филол.н. (1934, без защиты). Академик АН СССР (1958). Лауреат государственной премии СССР (1972). Научный сотрудник ИВ АН СССР (1931-1970). Профессор МИВ (1941-1950). Автор более 300 работ. В июле 1938 арестован как «японский шпион», осуждён на 5 лет заключения, освобождён в сентябре 1941

⁷² *Тойнби Арнольд Джозеф* (1889-1975). Английский историк и социолог. Автор идеи о круговороте сменяющихся локальных цивилизаций, движущей силой развития которых служит творческая элита. Доказывал необходимость возрождения гармонии между человеком и природой

ВГ: Как Вы оцениваете их потенциал?

БН: Я думаю, что особенно хорош потенциал, конечно, у Родионова. Я люблю, извините, провинциалов, которые приезжают и покоряют Москву и Ленинград. Это я люблю. А Сторожук – местный, он немножко...

ВГ: Видимо, у него «петербургская идентичность».

БН: Вот именно.

ВГ: Ну, все они теперь уже далеко не провинциалы. Эти ребята – профессионалы высокого уровня, полностью включенные в мировое китаеведное сообщество.

БН: Конечно! И это всё нормально. Они многое могут дать студентам. Но, опять же, их расхватывают на всякие административные должности. Это, Валя, пустое расходование сил, это безобразия! Ну, вот, хорошо, Саша защитился, Сторожук, это – слава Богу! Но теперь же надо всё время расти, всё время давать какую-то новую интересную продукцию, да? А мне жаль, особенно Родионова. Мне просто жаль его! Сейчас он запряжён до предела, он фактически везет всё на факультете. Потому что Михаил Борисович, по сути, «почётный председатель», будем так говорить.

ВГ: Вы имеете в виду Пиотровского?⁷³

БН: Пиотровского, он же декан сейчас у нас. А Родионов – первый замдекана по всем вопросам.

ВГ: То есть, вся реальная работа – бремя Родионова?

БН: Абсолютно вся! И мне это, конечно, досадно. Я просто понял это на своём личном опыте, на своих ошибках, и я ему всё время говорю: «Лёша, ну когда-то надо же браться за реальное дело...». Мне очень жаль, что он потратит лучшие годы на административную работу, что он сейчас занимается своим профессиональным делом только урывками. А поколение хорошее! Я всегда возражаю против того, что говорят некоторые коллеги: «Наши студенты – всё хуже и хуже!» Всегда среди студентов были и хорошие, и плохие. Я считаю, что не надо такие «ярлыки» навешивать. Другое дело, средняя школа стала, конечно, заметно хуже готовить своих учеников. За четыре университетских года они не успевают эти свои школьные «прорехи» заполнить. Среднее школьное образование «пустеет» совершенно. Я вдруг узнаю от студентов, что в ряде школ предмета географии вообще не было. То есть, они не знают даже элементарных вещей! В последнее десятилетие – эти все эксперименты с ЕГЭ, это – выхолащивание полное образования, полнейшее!

ВГ: Вы это чувствуете на своём студенческом контингенте?

БН: Я это чувствую буквально. Есть хорошие ребята, они хотят учиться. Но они и того не знают, и другого. И просто не успевают заполнять вот эти свои прорехи в знаниях. Они не знают, извините, кто такой Троицкий⁷⁴, Бухарин⁷⁵. Если они знают

⁷³ *Пиотровский Михаил Борисович* (1944 г.р.). Востоковед-арабист, д.и.н. (1985), профессор СПбГУ, членкор РАН. Окончил востфак ЛГУ (1967). Научный сотрудник ЛО ИВ АН СССР (с 1967). Директор Государственного Эрмитажа (с 1992), председатель Союза музеев РФ. Декан востфака СПбГУ (с 2013)

⁷⁴ *Троицкий Лев Давидович* (1879-1940). Настоящее имя Лейба Давидович Бронштейн. Революционер, государственный деятель. Один из вождей Октябрьской революции 1917, создателей Красной Армии и Коминтерна. Занимал

Мао Цзэ-дуна⁷⁶, то Сунь Ят-сена абсолютно никто не знает. Кто был в Китае после Мао Цзэ-дуна – абсолютно не знают! Ничего этого не знают. Книги они не читают – только Интернет, и всё! Из homo sapiens они превращаются в неких homo internetis и homo smartfonis. Это бедные дети, потому что при нормальной системе образования многие из них были бы нормальными ребятами, знания которых соответствовали бы новому уровню. А теперь этого нет. Правда, есть среди них и замечательные дети, медалисты. Но они не все «на Китай» попадают. В прошлом году я маленький курс читал для бирманско-китайской группы (у нас есть такие смешанные группы). Так как самой Бирмы на практике фактически нет, её принудительно лепят к Китаю в качестве своего рода довеска. В этой группе были две девочки – одна с золотой медалью, одна с серебряной. Девочки очень толковые, «быстромыслящие». Я даже пожалел, что они на Китай не попали.

ВГ: Вы сказали, что были знакомы с моей матерью, Головачёвой Лидией Ивановной, в бытность её студентом. Какой она была студенткой? Мне, как продолжателю династии китаеведов, было бы интересно услышать Ваше откровенное мнение.

БН: Скажу откровенно, я немножко даже её побаивался, потому что чувствовал, что – а) она значительно старше всех других студентов, и б) в её глазах я всегда видел, ну, что она знает, о чём я говорю. И, в общем, она немножко снисходительно смотрела, хотя больше ничем не выражала эту снисходительность. Тем не менее, я всегда волновался, когда в этой группе занимался. Это я тебе скажу абсолютно честно. Потому что, если преподаватель, как и артист, не чувствует своих каких-то минусов, каких-то слабостей, то он конченный преподаватель. Если он думает, что он – идеал, то он конченный. Всегда надо выходить и думать: а что они тут тебе могут предложить? Какой вопрос могут задать? Как это будет встречено? Смотри в их лица, и ты в них увидишь очень многое, и так далее. И вот, когда Лидия Ивановна сидела на лекции (кстати, моя жена первая тоже Лида была, только Лидия Сергеевна), и я видел, что она все записывала, она не выражала ничем своё какое-то знание и, может быть, в некоторых вопросах и превосходство. Но я ощущал от неё такую ауру исходящих знаний и даже опыта жизненного, что

ряд высших гражданских и военных постов в СССР. Член ПБ ВКПб (1919-1926). Автор теорий «перманентной революции», «экспорта революции» и т.д. Лидер внутрипартийной левой оппозиции (с 1923). Крупнейший оппонент Сталина И. В. В 1927 снят со всех постов, сослан в Казахстан. Выслан из СССР (1929) и лишён гражданства (1932). По приказу Сталина убит в 1940 в Мексике

⁷⁵ *Бухарин Николай Иванович* (1888-1938). Революционер, партийный и государственный деятель. Член РСДРП с 1906. Друг Ленина. С 1917 член ЦК РСДРП(б). В 1920х главред газеты «Правда», ведущий партийный идеолог. Глава Высшего совета народного хозяйства, разработчик сталинской теории «социализма в одной отдельно взятой стране», противопоставленной идее «перманентной мировой революции» Троцкого. Поддержал Сталина в борьбе с оппозицией. В 1937 исключён из партии и арестован. Расстрелян в 1938

⁷⁶ *Мао Цзэ-дун* 毛泽东 (1883-1976, м.р. Хунань). Один из основателей и лидеров коммунистического движения в Китае. После 1949 фактический руководитель КПК и КНР. Объект «культы личности»

ли. Такие студенты – они редкие, и они заставляют преподавателя настраиваться очень точно, чтобы звучать хорошо, как натянутая струна. Но, с другой стороны, когда мы общались, у нас самое нормальное было общение. Она не хотела особо выделяться. Но она уже умела брать то, что нужно взять. Вот это чувствовалось. Вот это – самое главное. Потому что рядом с ней сидели ещё дети всеядные, а она уже умела брать.

ВГ: Какие курсы Вы тогда читали в 1970-е годы?

БН: Какое-то время это была средневековая история Китая. А в основном – новая история. Новейшую историю Китая обычно читал Ефимов, который умер в 1980 году. При Лидии Ивановне он был жив ещё.

ВГ: Да, он был руководителем её дипломной работы.

БН: Да-да. Если мне не изменяет память, она в 1975 году окончила ЛГУ.

ВГ: Совершенно верно. Спасибо, приятно слышать Ваш отзыв! А кого из своих учеников Вы ещё хотели бы отметить? Кто из студентов запомнился Вам?

БН: Конечно, Сергей Николаевич Гончаров⁷⁷.

ВГ: Он хорошо учился? Хорошим студентом был?

БН: Очень! В 1970-х годах я вёл им даже один историографический курсик по новой истории. Небольшой, но с чтением исторических журналов. Современных статей, конечно, хотя там были вкрапления из «вэньяня». Мы читали со студентами такие вещи. И это были Самойлов, Гончаров. Они вместе учились. Их группа тоже была очень сильная. И эти двое ребят выделялись среди остальных. Это и мои ученики тоже. Не скажу, что я их единственный учитель, но – один из. Когда я вёл у них этот курс, они делали переводы, а я проверял перевод. У Серёжи и Коли Самойлова, как правило, было меньше всего ошибок. А Гончаров язык «схватывал» просто невероятно – легко и красиво! Он же приехал к нам не на 1-й курс, а из Новосибирского университета. И, по-моему, он учился у нас со 2-го курса, учился 4 года, потом защищался по истории Китая в средние века. Был аспирантом у Г.Я. Смолина, а у Георгия Яковлевича любимой была эпоха Сун (X – XIII вв.), поэтому и у Гончарова кандидатская диссертация была посвящена периоду Сун. С работой он справился блестяще. Смолин, конечно, был очень им доволен. Одним словом, Серёжа оставил у всех очень хорошее впечатление. Гончаров, Самойлов и Ко были последние по времени выпускники «эпохи Ефимова». Мы же, – то есть, я, Доронин, Спири и другие – это хронологически первые ученики, первый выпуск историков на Восточном факультете. А Самойлов и Гончаров – это последний выпуск Ефимова на Восточном факультете ЛГУ. Они окончили ЛГУ в 1977 году.

ВГ: Какие основные курсы Вы ещё читаете в университете?

⁷⁷ Гончаров Сергей Николаевич (1955 г.р., Днепропетровск). Китаевед, дипломат, бизнесмен. К.и.н. (1982). Окончил Востфак ЛГУ (1977). Сотрудник ИДВ АН СССР / РАН (1982-1992). Стажёр Пекинского университета (1984-1985), Стэнфордского университета (1990). Сотрудник МИД РФ (с 1992). Специалист по средневековой китайской дипломатии, истории российско-китайских отношений в XX в. После ухода из МИД РФ – представитель ОАО НК «Роснефть» в АТР, г. Пекин (2006-2012)

БН: В основном сейчас я уже полностью сосредоточился на таких ведущих курсах, как новая и новейшая история Китая – с опиумных войн до сегодняшнего дня. Это – раз. Это большой курс, который читаю и историкам, и филологам, и смежникам – например, вьетнамцам. Я также традиционно читаю начальный курс географии Китая. Хотя я и не географ, Ефимов поручил мне этот курс с самого первого года. Этот «пропедевтический» курс я читаю в первом семестре первого года обучения уже 50 лет. Кроме того, после своего второго посещения Китая в середине 1980-х годов, под впечатлением великих изменений в Китае, я начал постепенно заниматься экономикой. Я и сейчас самообразованием занимаюсь. Но, в общем, с экономистами я спокойно разговариваю по многим вопросам. Поэтому я читаю на 4-м курсе небольшой полусеместровый курс лекций по современной экономике КНР. А сейчас подготовил еще курс «Особенности частного предпринимательства в императорском Китае». Есть и несколько других курсов, в частности, для магистрантов, обучающихся по исторической программе.

ВГ: Трудно ли было перестраивать лекционные курсы после 1991 года, в плане отхода от марксизма-ленинизма?

БН: Нет, я сделал это сравнительно легко. Понимаешь, Валентин, мы давно были людьми, так сказать, «двойной бухгалтерии». Будем говорить честно. Там, где нужно было процитировать Владимира Ильича Ленина или Маркса⁷⁸, это мы делали, так как без этого не опубликуешься, без этого не выступишь с лекцией, и т.д. и т.п. Но, как говорится, по уму, по соображениям, мы всё-таки не были ригористичными марксистами. В моём поколении, кого я знаю, почти все думали и действовали примерно так. Поэтому перестройка для нас прошла сравнительно легко. По крайней мере, мы не занимались историей партии (КПСС) и научным коммунизмом. У нас была Всеобщая история, а это всё-таки несколько другое. Тут больше вариантов всяких было. Конечно, в очень тяжелом положении оказались тогда историки партии и научные коммунисты, а также некоторые философы. А мы – нет, мы легче перестроились. Причём достаточно быстрая была эволюция. Я лично не чувствовал какой-то там борьбы внутренней.

ВГ: Смена рельсов произошла эволюционным путём.

БН: Да, да. Смена рельсов произошла эволюционным путём. И, я бы сказал, почти безболезненным для нас.

ВГ: Довелось ли Вам ездить в заграничные командировки куда-то ещё, помимо Китая?

БН: Ездил только когда работал в ректорате и был на комсомольской работе.

ВГ: Когда занимались международными связями?

БН: Да, да.

ВГ: Значит, Вы выезжали за границу куда-то?

БН: Да. Нам приходилось выезжать за границу, но не по специальности. По специальности я был только два раза в Китае. Ещё пару раз был с делегациями, и это были очень короткие визиты. Последний раз я был в Китае в 2003 году.

⁷⁸ *Маркс Карл* (1818-1883). Немецкий философ, социолог, экономист, журналист и общественный деятель. Его работы сформировали в философии диалектический и исторический материализм, в экономике – теорию прибавочной стоимости, в политике – теорию кассовой борьбы. Основатель коммунистического движения и идеологии «марксизма»

ВГ: А почему? Что мешает чаще ездить? Ведь Китай не так далеко находится.
БН: Наверно, несколько ближе Бразилии, но отсюда всё же порядочное расстояние.
ВГ: Может, это – психологический барьер?
БН: Валентин, давай на честность?!
ВГ: Да, давайте!
БН: Мне 85 лет, и я – доцент. Кто меня куда пошлёт, кому я нужен?
ВГ: Ну, почему?
БН: Нет-нет, ты неправ. Все только говорят, что в науке нет иерархии, что в науке есть только знания. Есть в науке иерархия! Она очень сильна, она порой перехлёстывает любые знания.
ВГ: Ну, можно же, скажем, купить билет за свой счёт и поехать в Китай на отдых.
БН: Конечно, но это не то... Болтаться с группой туристов, для которых Китай – просто экзотика – противно, а передвигаться в одиночку уже тяжело, не те силы.
ВГ: Что касается возраста, то года три назад я встречал в Пекине Георгия Васильевича Мелихова⁷⁹, которому сейчас уже 84 года.
БН: Ну, он примерно мой ровесник.
ВГ: Тихвинский⁸⁰, Буров⁸¹ – все они бывают в Китае.
БН: Знаю я Бурова Владилена.
ВГ: Может, это всё же психологический барьер?
БН: И психологический. Понимаешь, я не очень лёгок на подъём. К тому же я боюсь болезней. А теперь уже и жена мне тоже скажет: «А чего тебя понесло? Да ещё один! Со мной – да, но я ехать не могу». Вот и выходит так. Нет, далековато! Вот если бы Китай был близок, как Украина! На Украину мы почти каждый год ездили, у нас родственники под Одессой, а теперь....
ВГ: Может быть, Вам всё-таки слетать с женой на недельку?
БН: Нет, я не думаю, что это возможно. Да и потом что-то уже немножко и боязно. Боюсь, что почувствую себя отчуждённо немножко. Серьёзно. И практика разговорного не очень. То есть, что-то я пойму, что-то я спрошу, но это не «родионовский» уровень, мягко говоря. Это смущает, Валь, это очень смущает! Скажут: «Что же, такой старый, а с языком у него – ни фиги!» А, вообще, хотелось

⁷⁹ *Мелихов Георгий Васильевич* (1930 г.р., Харбин). Китаевед, д.и.н.(1986), ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН. В 1950-1955 преподавал русский язык в Пекине. В 1955 репатриировался в СССР. С 1993 – председатель ассоциации «Москва-Харбин». Исследователь истории русской эмиграции в Китае

⁸⁰ *Тихвинский Сергей Леонидович* (1918 г.р., Петроград). Китаевед, д.и.н. (1953), академик АН СССР (1981). Служил на дипломатической работе в Китае, Англии, Японии (1939-1957). Чрезвычайный и Полномочный Посол СССР (с 1966). Директор Института китаеведения (1960), замдиректора Института народов Азии (1961-1963). Интервью для проекта «Китаеведение – устная история» см. на сайте ИВ РАБН: <http://www.ivran.ru/project-modernization-models/57>

⁸¹ *Буров Владилена Георгиевич* (1931 г.р., Харбин). Китаевед, д.филос.н. (1986), профессор (1994). Окончил МИВ (1954). Научный сотрудник Института философии РАН (с 1959). Исследователь классической и современной китайской философии

бы снова побывать в Китае. Так, чисто абстрактно, очень бы хотелось. Но... Думаю, что сын тоже будет против, он боится, у меня же уже несколько лет назад микроинсульт был...

ВГ: У нас есть традиционный вопрос про китайскую кухню. Но мне интересно спросить, как Вы относитесь к китайским напиткам?

БН: Очень хорошо отношусь. Я вообще любитель всего белого, всю жизнь. Я вин не люблю, они «не идут» у меня. А водочка – от *эрготу* и до *маотай* – это да! Никакого осадка не бывает никогда, хорошее настроение всегда. И я люблю эти напитки. Конечно, при употреблении в меру.

ВГ: А какой китайской пищей стоило бы закусить китайскую *белую*? Что Вы предпочитаете?

БН: Честно говоря, я очень люблю всякие морепродукты. Креветочки и всё, что там у них есть морское – это у меня самое любимое. Люблю также хорошую китайскую лапшу, пельмени-цзяоцзы, мусюйжоу... И вообще, к китайской кухне отношусь очень хорошо, с удовольствием ем в принципе почти всё, кроме соевого соуса *цзян ёу*. Не идёт он у меня.

ВГ: Китайская пища – хорошее коммуникативное средство. Говорят, Вы участвуете в работе общества российско-китайской дружбы. Часто ли Вы встречаетесь с китайцами в Петербурге?

БН: Бывает, встречаемся. Но в основном с официальными лицами – то есть, с представителями китайского генконсульства, приезжие делегации бывают иногда. В Доме дружбы бывают встречи по каким-то знаменательным датам. Но последняя уже довольно давно была. Кстати говоря, в 2012 году не было ни одной встречи. А вот в 2011 году у нас была хорошая встреча, очень интересный круглый стол по случаю столетия Синьхайской революции. И туда приглашали всех, кто занимается Китаем, международными отношениями. На встречу пришли все члены генконсульства. Кто-то приезжал из Пекина даже. Обменивались мнениями, очень интересная была встреча! А так, встречи городские проводятся в основном по праздничным и юбилейным датам. Мне часто доклады приходится делать на эти юбилейные даты, поскольку я занимаюсь новейшей историей Китая. Особенно когда Николай Алексеевич Спешнев был председателем общества дружбы. Он же долго был председателем. Ему что далеко идти: «Борь, ты сделаешь?». – «Да». Никуда не денешься.

ВГ: А кто сейчас отвечает за местную российско-китайскую дружбу?

БН: Сторожук⁸². Это небо и земля, конечно.

ВГ: Разные поколения, конечно. Я вижу, что, кроме золотой медали за отличное окончание средней школы, у Вас на столе лежит ещё какая-то медаль.

БН: Это медаль за заслуги в развитии российско-китайских отношений. Такие медали выдавали в 2008 году. А эта – «Заслуженный работник высшей школы Российской Федерации». Вот ещё памятная медаль по случаю 150-летия Восточного факультета. Кстати, я как раз хотел об этой юбилейной медали поговорить. Когда я поступил в университет в 1947 году, и почти до конца 1970-х годов считалось, что Санкт-Петербургский университет был создан указом

⁸² *Сторожук Александр Георгиевич*. Китаевед, д.филол.н. (2006), профессор, завкафедрой китайской филологии Восточного факультета СПбГУ

императора Александра Первого в 1819 году. В соответствии с этой датой в 1969 году была выпущена вот такая медаль «150-летие университета». В 1969 году ректором был Кирилл Яковлевич Кондратьев – физик, атмосферщик, связанный с покорением космоса. Но потом нашлись два историка – Юра Маргулис и Гриша Тишкин (я их так называю, потому что это мои товарищи были и однокашники), которые стали копать историю университета и докопались, что можно считать датой основания Санкт-Петербургского университета последний год правления Петра I – 1724 год. Почему? – Потому что в этом году он основал университет при Академии наук. И этот университет при академии, дескать, потом превратился в настоящий университет, только, якобы, были перерывы в его деятельности до 1819 года. В общем, они утверждали, что наш университет на целых 95 лет, т.е. почти на столетие старше. Конечно, университетское начальство это поддержало, Смольный⁸³ тоже поддержал, потому что было в высшей степени почётно для города иметь старейший в стране университет – старше самого МГУ, который, как известно, появился в 1755 году, через 30 с лишним лет! И у нас стали отмечать новую дату. Москвичи же поначалу пытались её опровергнуть, но вскоре стихли, потому что не получили поддержки высшего руководства. А у нас продолжали праздновать юбилеи уже исходя из начального 1724 года. Таким образом, в 1999 году была выпущена ещё одна медаль – по случаю 275-летия университета! Потом ещё была выпущена памятная монета. Так вот, получается, что я при одной своей жизни отметил и 150летие, и 275-летие университета. И в 290 лет ещё жив! Так сколько же я живу, можешь представить?!

ВГ: Да, разрыв по времени в 140 лет получается.

БН: Настоящий цирк! Такого, уверен, нигде в мире не было.

ВГ: Как Вы ощущаете себя в плане профессиональном? Есть ещё настроение и силы передавать знания?

БН: Конечно! Когда всю жизнь работаешь, то страшно её потерять, эту работу. Как идёт работа, мне трудно судить, это пусть другие судят. Но мне кажется, что у меня контакт со студентами хороший. Мне кажется, они относятся ко мне нормально. Я не стал бы утверждать, что меня студенты любят. Но, наверно, ценят.

ВГ: Я видел оценки, которые студенты выставляют Вам в интернете, на сайте университета. Это хорошие оценки – 4,7 балла по пятибалльной шкале. Оценки там учитывают степень сложности материала, сложность сдачи экзаменов, чувство юмора преподавателя, использование наглядной агитации и технических средств. Те три десятые, которые там «съелись» – это за счёт технических средств.

БН: Спасибо! Если вернуться к чтению курсов, то я, как уже упоминал, ещё читаю спецкурсы для магистрантов. Около десятка лет назад я заинтересовался проблемой времени, как воспринималась эта проблема на Востоке. Сначала был один курс, а теперь я читаю фактически два. Пришлось разделить его на две части, потому что годовые спецкурсы отменили и позволяют читать только семестровые. Один курс я назвал так – «Восток-Запад: время мира». Это лекции про разные календарные системы и эволюцию представлений о времени на Востоке и на Западе. Этот курс уже более или менее отработан. А второй спецкурс назван

⁸³ Смольный – Смольный дворец, где в советское время находилось партийное и административное руководство города

как бы наоборот – «Запад-Восток: структуры и модели истории в науке XX века». Здесь я разбираю Шпенглера, Тойнби, а также других учёных, в том числе и китайских, и школы, в том числе и марксизм. О марксизме сейчас студенты ничего не знают! Приходится рассказывать от нуля.

ВГ: От самого Маркса?

БН: От нуля, не то что от Маркса! Вот, два таких спецкурса читаю. Повторю, что я также подготовил спецкурс (он сейчас ещё сыроват, конечно) по особенностям частного предпринимательства в императорском Китае. Интересный, мне кажется.

ВГ: Это актуальная тема, как зарабатывали деньги в Китае.

БН: Ну, сейчас много актуальных тем. Но это интересно – его двуличество купец китайский. «Двуличество» его называли, потому что он перед чиновником самым низким образом ползал на коленях. А на рынке – Бог и царь. Вот в чём двуличество. Мне кажется, это интересно. Тем более, что у нас в своё время была принята специализация «экономика Китая». Там экономисты работали, преподавали. Ну, и мы что-то вкладывали своё. Мне кажется, что этот спецкурс не пропадёт, что его надо и дальше разрабатывать. Как я уже говорил, меня заинтересовала экономика. И, вот, потихоньку пошло...

ВГ: Замечательно! Наше интервью подходит к концу. Пора спросить, что бы Вы хотели пожелать молодым и будущим китаеведам? Что, с Вашей точки зрения, необходимо им для нормального профессионального роста?

БН: Мне кажется, если этот человек работает в ВУЗе, если он – преподаватель, то надо любить студентов. Нужно относиться к ним, как к самому себе, только тогда будет что-то. никоим образом не дистанцироваться, не преувеличивать своё значение. Любой студент может дорасти до тебя и перерасти – вот из этого и нужно исходить. Это – первое, что мне бы хотелось посоветовать. Не зазнаваться никогда! И не думать, что ты – лучший учёный «всех времён и народов». Есть некоторые молодые люди, которые уже вот так о себе думают. И думают, что все остальные – ах, вот у них нет ни защиты, ни степени ещё даже. А есть люди, которые как Виктор Петров – он вообще без защиты был. А с ним академики считались и прислушивались. Наконец, мне хочется, чтобы молодёжь, активно участвуя в научной глобализации, всё-таки считала главным в ВУЗе учебный процесс. Наука в данном случае тоже важна. Но всё же очень важно работать именно в учебном процессе. Тут куётся наше будущее. Этот простой вывод я делаю из долгих десятилетий своей работы. Думаю, это можно отнести не только к китаеведам, но и ко всем можно отнести. И вот ещё что! Сейчас очень большая болезнь нас охватывает – забюрокрачивание. Жутко! Начинается всё с верхов. Но, как известно, низы подражают верхам и часто при этом становятся «большими католиками, чем сам Папа Римский».

ВГ: Вы говорите про бюрократизацию китаеведного образования?

БН: Да. Это китаеведный, востоковедный – любой вид образования. Наваливается гора бумаг, в которой люди тонут. Даже рядовые преподаватели должны постоянно оформлять много всяких бумаг. Бюрократизация идёт очень парадоксальная. Ведь нам всегда говорили: вот, начнётся век компьютеризации, и будет меньше бумаг! Всё будет храниться в электронном виде, на мониторах. А на самом деле, наоборот, количество бумаг добавилось, прибавилось и растёт многократно. Невероятно, просто потоки какие-то на нас обрушиваются! Потому что передают заведующему

кафедры, он всё «перелопачивает» и передает нам. Потом мы смотрим дикое количество каких-то указаний. Пока разберешься, что нужно тебе, а что не нужно – это кошмар!

И ещё одно пожелание. Я думаю, что чем больше будет людей знать что-то о Китае, тем больше будет какая-то устойчивость мнений внутри нашей страны. Да и для китайцев это будет определенная база, фундамент для развития наших и всяких прочих отношений. У нас, всё-таки, до сих пор мало знают о Китае. И любая «утка» нередко разносится как истина в последней инстанции. Даже отдельные столичные китаеведы пишут книжки, в которых позволяют себе укол за уколом в отношении китайцев. Но так не годится, нет. В Китае, конечно, тоже есть люди, которые читают на русском языке. И всё это, конечно, не очень хорошо.

ВГ: Позвольте задать крайний вопрос: Вы не жалеете, что когда-то вместо тюркологии выбрали китаеведение?

БН: Нет, конечно! Нет, даже сравнения нет никакого! Из востоковедных дисциплин мне, конечно, интересна и классика. Но, я думаю, Китай – это номер один!

ВГ: Значит, те люди, которые Вас уговаривали изучать Китай, были правы?

БН: Они были правы, конечно!

ВГ: И Вы не жалеете о том, что последовали их совету?

БН: Нет, никогда, ни во сне даже!

ВГ: Спасибо большое за интервью! Хочу пожелать Вам хорошего здоровья, настроения и ещё долгих лет общения со студентами на Восточном факультете!

БН: Спасибо, Валь! Понятно, что жизнь и рассказ о жизни никогда не адекватны. Но я был бы рад, если моя «болтология» позволит молодым коллегам у нас или за рубежом в какой-то степени ощутить дух нашего времени, среду ленинградских китаеведов и востоковедов второй половины XX века... И я хочу извиниться, что много отнял времени попусту.

ВГ: Напротив, большое спасибо за то, что Вы нам своё время даровали! Было очень приятно пообщаться с Вами в стенах Вашего дома!

БН: Так, давай уж на «ты» переходи! Не надо церемониться! Я был знаком с твоей мамой, ты – ровесник моего сына. Пойдём к столу, после столь долгого разговора следует пополнить калории! А ведь у китайцев застолье – это продолжение беседы...